

Фридрих Дюрренматт

ФИЗИКИ

Комедия в двух действиях
(перевод с немецкого Е. Михелевич)

Посвящается Терезе Гизе

Действующие лица

Доктор Матильда фон Цанд – врач-психиатр

Марта Болль – старшая медсестра

Моника Штеттлер – медсестра

Уве Зиверс – старший санитар

Мак-Артур – санитар

Мурильо – санитар

Герберт Георг Бойтлер, называемый **Ньютоном** – пациент

Эрнст Генрих Эрнести, называемый **Эйнштейном** – пациент

Иоганн Вильгельм Мёбиус – пациент

Миссионер Оскар Розе

Лина Розе – его жена

Адольф-Фридрих, Вильфрид-Каспар, Йорг-Лукас – её сыновья

Рихард Фосс – инспектор уголовной полиции

Гуль – полицейский

Блохер – полицейский

Судебный врач

Действие первое

Место действия: гостиная уютной, хотя и несколько запущенной виллы частного санатория «Вишнёвый сад». Окружающая местность: рядом с санаторием – берег озера, на некотором удалении уже застроенный, ещё дальше – небольшой, скорее даже маленький городок.

Некогда прелестное местечко с замком и старинным центром ныне украшено уродливыми зданиями страховых обществ и живёт в основном за счёт скромного университета с довольно большим теологическим факультетом и летними языковыми курсами, а также двух училищ – коммерческого и стоматологического, нескольких пансионатов и крошечных предприятий лёгкой промышленности и уже в силу этих обстоятельств может считаться тихим уголком. Вдобавок к этому на нервы успокаивающе действует ещё и окружающая природа, во всяком случае здесь имеются голубые горные хребты, поросшие живописным лесом холмы и довольно большое озеро, а неподалёку раскинулась ещё и обширная, по вечерам окутываемая туманом равнина, некогда бывшая гиблым болотом, а ныне плодородная земля, прорезанная сетью каналов, на которой где-то вдали расположено некое место заключения со своими большими сельскохозяйственными угодьями, так что повсюду встречаются группы и группки молчаливых, словно призраки, заключённых, рыхлящих и перекапывающих землю. Однако окружающая местность, в сущности, не играет для нас никакой роли и описывается здесь лишь ради большей точности, ведь мы ни разу не выйдем за пределы виллы сумасшедшего дома (*наконец это слово всё же сказано*), а если быть более точным, не выйдем и за пределы гостиной, ведь мы задались целью строго блюсти единство места, времени и действия: ведь драма, разыгрываемая среди сумасшедших, должна соответствовать самому строгому классическому канону.

Однако ближе к делу. Что касается виллы, то в ней ранее размещались все пациенты основательницы санатория, старой девы, почётного доктора наук и доктора медицины Матильды фон Цанд, то есть выжившие из ума аристократы, поражённые склерозом политики – за исключением тех, кто всё ещё держит в своих руках бразды правления, – а также дебилы-миллионеры, писатели-шизофреники, магнаты индустрии, страдающие депрессивно-маниакальным психозом, и т.д., короче говоря, душевнобольная элита чуть ли не всей Европы, ибо доктор Цанд пользуется широкой известностью не только потому, что эта горбунья и старая дева в неизменном своём врачебном халате происходит из местной влиятельной семьи, последним, имеющим какой-то вес отпрыском которой она является, но также и благодаря своим гуманным взглядам и репутации выдающегося психиатра, можно даже уверенно утверждать – в мировом масштабе (только что вышел из печати том её переписки с К. Г. Юнгом). Однако ныне все эти знаменитые и не всегда приятные пациенты давно переселились в новые светлые и элегантные здания лечебницы – за баснословные деньги даже самое тёмное прошлое оборачивается чистым удовольствием. Новая лечебница расположена в отдельных особнячках (часовня с витражами работы Эрни [Эрни Ханс, р.1909, швейцарский живописец и график – прим. перев.]), рассеянных в южной части обширного парка с видом на равнину, в то время как вилла венчает собой зелёную лужайку с отдельными могучими деревьями, полого спускающуюся к озеру. Вдоль берега тянется каменная ограда.

В гостиной заметно опустевшей виллы обычно проводят время трое пациентов, случайно оказавшихся физиками, нет, всё же не совсем случайно, ибо здесь придерживаются гуманных принципов и селят вместе только людей, близких друг другу по духу. Эти трое живут своей жизнью, каждый замкнут в пространство своего воображаемого мира, вместе они лишь принимают пищу в гостиной, иногда беседуют о своей науке или же молча сидят, уставившись в пустоту, безобидные, симпатичные и милые психопаты, сговорчивые, послушные и непритязательные, поэтому ухаживать за ними легко. Одним словом, их можно было бы считать образцовыми пациентами, если бы в последнее время не случилось тревожных, более того – прямо-таки ужасных событий: три месяца назад один из них задушил медсестру, и теперь то же самое повторилось. Поэтому на вилле опять появилась полиция. И в гостиной гораздо больше людей, чем обычно. Чтобы напрасно не пугать зрителей, тело медсестры лежит на полу в глубине сцены, и положение его столь же недвусмысленно, сколь и трагично. Однако нельзя не заметить, что в комнате происходила борьба. Мебель сдвинута со своих мест и приведена в беспорядок. Торшер и два кресла валяются на полу, слева на авансцене лежи круглый стол, перевёрнутый таким образом, что его ножки обращены к зрителю.

В остальном в гостиной заметны последствия перестройки виллы в психолечебницу (некогда вилла была летней резиденцией семейства Цанд). Стены на высоту человеческого роста покрашены гигиеничной эмалевой краской, лишь выше этого уровня видна гипсовая штукатурка с частично сохранившейся лепниной. Три двери, ведущие в комнаты физиков из небольшого холла в глубине сцены, обиты чёрной кожей. Кроме этого, они пронумерованы – 1, 2, 3. Слева рядом с холлом уродливая багарея центрального отопления, справа – умывальник с полотенцами на металлическом штыре.

Из комнаты номер 2 (она в середине) доносится игра на скрипке под аккомпанемент фортепьяно. Это Бетховен, «Крейцера соната». Слева – стена с высокими окнами, выходящими в парк и начинающимися от самого пола, покрытого линолеумом. Слева и справа ряд окон обрамлён тяжёлыми занавесями. Двустворчатая дверь ведёт на террасу, сквозь её каменную балюстраду виден парк, освещённый относительно ярким ноябрьским солнцем. Время – чуть позже половины пятого пополудни. Справа над камином, не используемым по прямому назначению и ограждённым решётчатым экраном, в тяжёлой позолоченной раме висит портрет старика с остроконечной бородкой. На авансцене справа – тяжёлая дубовая дверь. С тёмного кессонного потолка свисает тяжёлая люстра. Мебель: у круглого стола – когда гостиная будет приведена в порядок – стоят три стула, выкрашенные белой краской, как и стол. Остальные предметы мебелировки слегка потёрты и разнотильны. Справа на авансцене – диван с маленьким столиком и двумя креслами по бокам. Обычное место торшера – за диваном, чтобы не загромождать комнату. Короче говоря: для оформления спектакля, в котором, в отличие от античной трагедии, сатирическая драма предшествует само трагедии, вещь на сцене должно быть немного. Ну теперь, пожалуй, можем и начинать.

Трупом занимаются полицейские, это спокойные, добродушные дядьки в штатском, которые уже успели принять свою дозу белого вина, и пахнет от них соответственно. Они производят замеры, снимают отпечатки пальцев, очерчивают контуры трупа мелом и т. д. В середине гостиной стоит инспектор уголовной полиции Рихард Фосс в плаще и шляпе, слева от него – старшая медсестра Марта Болль, решительный вид которой соответствует её натуре. Справа на авансцене в кресле сидит полицейский и составляет протокол.

Инспектор вынимает сигару из коричневого портсигара.

Инспектор. Надеюсь, курить дозволяется?

Старшая медсестра. Здесь это не принято.

Инспектор. Пардон. (*Прячет сигару в портсигар.*)

Старшая медсестра. Чашечку чаю?

Инспектор. Я бы предпочёл рюмочку шнапса.

Старшая медсестра. Вы находитесь в лечебном учреждении...

Инспектор. Тогда ничего не надо. Блохер, можно фотографировать.

Блохер. Слушаюсь, господин инспектор.

Фотографирует со вспышкой.

Инспектор. Как звали медсестру?

Старшая медсестра. Ирена Штрауб.

Инспектор. Возраст?

Старшая медсестра. Двадцать два. Родом из Кольванга.

Инспектор. Родственники?

Старшая медсестра. Брат в Восточной Швейцарии.

Инспектор. Известили?

Старшая медсестра. По телефону.

Инспектор. Кто убил?

Старшая медсестра. Прошу вас, господин инспектор, ведь бедняга больной человек.

Инспектор. Ну ладно: кто это сделал?

Старшая медсестра. Эрнст Генрих Эрнести. Мы зовём его Эйнштейн.

Инспектор. Почему?

Старшая медсестра. Потому что он считает себя Эйнштейном.

Инспектор. Ах вот оно что. (*Обращаясь к стенографирующему полицейскому.*)
Записали показания старшей медсестры, Гуль?

Гуль Так точно, господин инспектор.

Инспектор. Тоже задушена, доктор?

Судебный врач. Несомненно. Шнуром от торшера. Эти психопаты часто обладают недюжинной силой. Потрясающее явление.

Инспектор. Так. Вы так считаете. Тогда я нахожу безответственным, что этих психопатов обслуживают женщины. Это уже второе убийство...

Старшая медсестра. Прошу вас, господин инспектор...

Инспектор. ...второй несчастный случай за три месяца в лечебнице «Вишнёвый сад». (*Вынимает записную книжку.*) Двенадцатого августа некий господин Герберт Георг Бойтлер, считающий себя великим физиком Ньютоном, задушил медсестру Доротею Мозер. (*Прячет записную книжку.*) В этой само гостинной. Этого бы не случилось, если бы вместо медсестёр были санитары-мужчины.

Старшая медсестра. Вы так думаете? Сестра Доротея Мозер была членом женского клуба по спортивной борьбе, а сестра Ирена Штрауб – чемпионкой страны по дзюдо.

Инспектор. А вы?

Старшая медсестра. Я занимаюсь тяжёлой атлетикой.

Инспектор. Могу я наконец видеть убийцу...

Старшая медсестра. Прошу вас, господин инспектор.

Инспектор. ...ну, того, кто это сделал?

Старшая медсестра. Он играет на скрипке.

Инспектор. Что это значит «он играет на скрипке»?

Старшая медсестра. Вы же сами слышите.

Инспектор. Так пусть изволит прекратить. (*Старшая сестра никак не реагирует.*)

Мне надо его допросить.

Старшая медсестра. Ничего не выйдет.

Инспектор. Это почему же?

Старшая медсестра. С медицинской точки зрения это недопустимо. Господину Эрнести в данный момент необходимо играть на скрипке.

Инспектор. Но ведь тип задушил медсестру!

Старшая медсестра. Господин инспектор. Речь идёт не о каком-то там типе, а о больном человеке, которому надо успокоиться. А поскольку он считает себя Эйнштейном, он успокаивается, только когда играет на скрипке.

Инспектор. Может, это я рехнулся?

Старшая медсестра. Да нет.

Инспектор. От всего этого ум заходит за разум. (*Вытирает пот.*) Ну и жара здесь!

Старшая медсестра. Что вы, ничего подобного.

Инспектор. Сестра Марта, пожалуйста, попросите сюда главного врача.

Старшая медсестра. Из этого тоже ничего не выйдет. Фройляйн доктор аккомпанирует Эйнштейну на фортепьяно. Эйнштейн успокаивается, только если фройляйн доктор ему аккомпанирует.

Инспектор. А три месяца назад фройляйн доктор должна была играть с Ньютоном в шахматы, чтобы он успокоился. Нет, сестра Марта, во второй раз я на это не соглашусь. Мне совершенно необходимо поговорить с главным врачом.

Старшая медсестра. Пожалуйста. Но тогда вам придётся подождать.

Инспектор. Сколько времени будет продолжаться это пиликанье?

Старшая медсестра. Четверть часа или целый час. Как когда.

Инспектор (*с трудом сдерживаясь*). Ну что ж. Я подожду. (*Взрывается и орёт.*) Я подожду!

Блохер. У нас всё готово, господин инспектор.

Инспектор (*бормочет себе под нос*). Я, кажется, тоже уже готов... (*Пауза.*)

Инспектор вытирает пот со лба.) Можете выносить труп.

Блохер. Слушаюсь, господин инспектор.

Старшая медсестра. Я покажу вам, как пройти через парк в часовню.

Она открывает двустворчатую дверь. Труп выносят. Потом убирают все инструменты, которыми пользовались полицейские. Инспектор снимает шляпу, устало опускается в кресло слева от дивана. Всё ещё слышна игра на скрипке под аккомпанемент на фортепиано.

Из комнаты номер 3 выходит Герберт Георг Бойтлер в костюме начала XVIII века и парике.

Ньютон. Сэр Исаак Ньютон.

Инспектор. Инспектор уголовной полиции Рихард Фосс. *(Продолжает сидеть.)*

Ньютон. Я рад. Весьма рад. В самом деле. Я слышал какую-то возню, стоны, хрипы, потом какие-то люди то входили, то выходили. Разрешите узнать, что здесь происходит?

Инспектор. Задушили медсестру Ирену Штрауб.

Ньютон. Чемпионку страны по дзюдо?

Инспектор. Вот именно – чемпионку.

Ньютон. Но это же ужасно.

Инспектор. Её задушил Эрнст Генрих Эрнести.

Ньютон. Но ведь он играет на скрипке.

Инспектор. Ему нужно успокоиться.

Ньютон. Видимо, борьба с ней его очень утомила. Ведь он довольно хилого телосложения. А чем он её?..

Инспектор. Шнуром от торшера.

Ньютон. Шнуром от торшера?.. Что ж, можно и так. Ох уж этот Эрнести! Мне его жаль. В высшей степени жаль. Но и чемпионку по дзюдо тоже жалко. Разрешите? Мне нужно тут немного прибраться.

Инспектор. Пожалуйста. Протокол уже составлен.

Ньютон ставит на место стол, затем стулья.

Ньютон. Не выношу беспорядка. Я и физиком-то стал только из любви к порядку. *(Поднимает торшер.)* Чтобы мнимый беспорядок в природе объяснить высшим порядком. *(Закуривает сигарету.)* Вам не мешает, что я курю?

Инспектор *(радостно)*. Наоборот! Я... *(Хочет достать сигару.)*

Ньютон. Извините, но мы как раз говорили о порядке: здесь разрешается курить только пациентам. Если станут курить и посетители, вся гостиная пропахнет дымом.

Инспектор. Понятно. *(Прячет портсигар в карман.)*

Ньютон. Вы не против, если я выпью рюмочку коньяку?

Инспектор. Отнюдь.

Ньютон достаёт из-за каминной решётки бутылку коньяку и рюмку.

Ньютон. Ох уж этот Эрнести! Никак не могу прийти в себя. Как может человек взять и удушить свою сиделку!

Садится на диван и наливает себе коньяку.

Инспектор. Но и вы ведь задушили свою сиделку.

Ньютон. Я?

Инспектор. Медсестру Доротею Мозер.

Ньютон. Ту, что занималась борьбой в спортивном клубе?

Инспектор. Ну да, двенадцатого августа. Шнуром от портьеры.

Ньютон. Но это же совсем другое дело, господин инспектор. Ведь я-то не сумасшедший. За ваше здоровье!

Инспектор. И за ваше!

Ньютон пьёт.

Ньютон. Медсестра Доротея Мозер. Помню-помню. Блондинка. Необычайно сильная. И какая гибкая, несмотря на полноту! Она любила меня, и я любил её. Эту дилемму можно было решить только с помощью шнура от портьеры.

Инспектор. Где же здесь дилемма?

Ньютон. Моя задача – думать о всемирном тяготении, а вовсе не любить женщину.

Инспектор. Понял.

Ньютон. К тому же – между нами огромная разница в возрасте.

Инспектор. Это уж само собой. Ведь вам наверняка давно перевалило за двести.

Ньютон (*удивлённо уставясь на него*). Как это?

Инспектор. Ну, Ньютон-то... Известное дело...

Ньютон. Да вы что, господин инспектор, слегка тронутый или только делаете вид?

Инспектор. Послушайте...

Ньютон. Вы в самом деле верите, что я – Ньютон?

Инспектор. Но вот вы же – верите.

Ньютон (*тревожно оглядываясь*). Могу я доверить вас тайну, господин инспектор?

Инспектор. Разумеется.

Ньютон. Я вовсе не сэр Исаак. Я только выдаю себя за Ньютона.

Инспектор. А зачем?

Ньютон. Чтобы не смущать Эрнести.

Инспектор. Ничего не понимаю.

Ньютон. В отличие от меня Эрнести действительно болен. Воображает, будто он – Альберт Эйнштейн.

Инспектор. При чём здесь вы?

Ньютон. Если бы Эрнести узнал, что на самом деле Эйнштейн – это я, он бы взбесился так, что небу стало жарко.

Инспектор. То есть вы хотите сказать...

Ньютон. Вот именно. Знаменитый физик и создатель теории относительности – это я. Я родился четырнадцатого марта тысяча восемьсот семьдесят девятого года в Ульме.

Инспектор (*поднимаясь в лёгкой растерянности*). Очень рад.

Ньютон (*тоже встаёт*). Называйте меня просто Альбертом.

Инспектор. А вы меня – Рихардом.

Пожимают друг другу руки.

Ньютон. Могу вас заверить, что я исполнил бы «Крейцерову сонату» гораздо темпераментнее, чем это делает сейчас Эрнст Генрих Эрнести. Анданте звучит у него прямо-таки варварски.

Инспектор. Я ничего не понимаю в музыке.

Ньютон. Давайте присядем. (*Усаживает инспектора на диван и обнимает его за плечи.*) Рихард!

Инспектор. Да, Альберт?

Ньютон. Вам, наверное, очень досадно, что вы не можете меня арестовать?

Инспектор. Ну что вы, Альберт...

Ньютон. А за что вам хочется меня арестовать – за то, что я задушил медсестру, или за то, что я подготовил почву для создания атомной бомбы?

Инспектор. Ну что вы, Альберт...

Ньютон. Рихард, если вы повернёте вон тот выключатель возле двери, что произойдёт?

Инспектор. Зажжётся свет.

Ньютон. Другими словами, вы замкнёте электрическую цепь. Вы что-нибудь смыслите в электричестве, Рихард?

Инспектор. Я ведь не физик.

Ньютон. Я тоже мало что понимаю в этом. И только на основе наблюдений над природными явлениями создаю некую теорию природы электричества. Эту теорию я излагаю на языке математики и получаю несколько формул. Затем за дело берутся технари. Этим только формулы и нужны. Они обращаются с электричеством, как сутенёр с проституткой. Они его используют. Они создают механизмы, но механизмы могут функционировать только тогда, когда они не зависят от научного открытия, которое привело к их изобретению. Вот почему нынче любой остолоп может зажечь электрическую лампочку – или взорвать атомную бомбу. *(Похлопывает инспектора по плечу.)* И вы хотите меня за это арестовать, Рихард? Это несправедливо.

Инспектор. Я вовсе не собираюсь вас арестовывать, Альберт

Ньютон. Только потому, что считаете меня сумасшедшим. Но тогда почему же вы решаетесь включать свет, хотя ничего не понимаете в электричестве? И если кто-то из нас двоих преступник, то это вы, Рихард. А теперь мне пора припрятать мой коньяк, не то старшая медсестра Марта Болль поднимет скандал. *(Ньютон прячет бутылку за каминную решётку, оставляя на столе рюмку.)* Прощайте.

Инспектор. Прощайте, Альберт.

Ньютон. Вам бы следовало арестовать самого себя, Рихард! *(Вновь скрывается за дверь комнаты номер 3.)*

Инспектор. Ну уж теперь-то я закурю. *(Решительно достаёт сигару, раскуривает её и затягивается.)*

Из двери в сад входит Блохер.

Блохер. Мы готовы ехать, господин инспектор.

Инспектор *(топнув ногой)*. А я жду! Главного врача!

Блохер. Понял, господин инспектор.

Инспектор *(берёт себя в руки, ворчливо)*. Бери людей и возвращайся в город,

Блохер. Я скоро приеду.

Блохер. Слушаюсь, господин инспектор. *(Уходит.)*

Инспектор молча курит, окутываясь клубами дыма, потом встаёт, сердито расхаживает по гостиной, останавливается перед портретом, висящим над камином, и разглядывает его. Звук скрипки и фортепьяно уже не слышно. Дверь комнаты номер 2 открывается, из неё выходит доктор Матильда фон Цанд – горбунья лет пятидесяти, в белом халате и со стетоскопом.

Доктор. Это мой отец, тайный советник Август фон Цанд. Он жил на это вилле, пока я не превратила её в санаторий. Великий был человек, настоящий праведник. Я – его единственная дочь. Он ненавидел меня всеми фибрами души, он вообще всех ненавидел. Видимо, у него были на то основания – ведь перед крупными дельцами открываются такие тёмные пропасти человеческой души, которые для нас, психиатров, навсегда закрыты. Уж такие мы, психиатры, безнадёжные романтики и филантропы.

Инспектор. Три месяца назад здесь висел другой портрет.

Доктор. То был портрет моего дяди. Он был политическим деятелем и премьер-министром. Иоахим фон Цанд. *(Кладёт ноты на столик перед диваном.)* Ну вот, Эрнесту успокоился. Лёг в постель и уснул. Как беззаботное дитя. И я могу наконец свободно вздохнуть. А уже боялась, что он примется играть ещё и Третью сонату Брамса. *(Садится в кресло слева от дивана.)*

Инспектор. Извините меня, фройляйн доктор фон Цанд, за то, что я здесь курю вопреки запрету, но...

Доктор. Курите, курите, инспектор. Мне и самой сейчас необходимо выкурить сигарету, что бы там ни говорила сестра Марта. Дайте мне огня.

Инспектор даёт ей прикурить.

(*Курит.*) Чудовищно. Бедная сестра Ирена. Чистейшая юная душа. (*Замечает на столе рюмку.*) Здесь был Ньютон?

Инспектор. Имел удовольствие познакомиться.

Доктор. Лучше я уберу эту рюмку.

Инспектор, опередив её, прячет рюмку за каминную решётку.

Чтобы не сердить старшую медсестру.

Инспектор. Я понял.

Доктор. Вы беседовали с Ньютоном?

Инспектор. Да, и узнал кое-что новое. (*Садится на диван.*)

Доктор. Поздравляю.

Инспектор. Ньютон на самом деле считает себя Эйнштейном.

Доктор. Это он рассказывает всем и каждому. Но в действительности он всё же считает себя Ньютоном.

Инспектор (*растерянно*). Вы уверены?

Доктор. Кем считают себя мои пациенты, решаю я. Я знаю их намного лучше, чем они сами.

Инспектор. Возможно. Но тогда вы должны нам помочь, фройляйн доктор. Власти требуют ясности.

Доктор. Прокурор?

Инспектор. Вне себя от бешенства.

Доктор. Мне нет до него дела, Фосс.

Инспектор. Как-никак два убийства...

Доктор. Прошу вас, инспектор.

Инспектор. Ну два несчастных случая. В течение трёх месяцев. Вы должны признать, что в вашем заведении не приняты достаточные меры безопасности.

Доктор. А как вы представляете себе эти меры, инспектор? У меня лечебное учреждение, а не тюрьма. В конце концов вы ведь и сами не можете арестовать убийцу, пока он не убьёт.

Инспектор. Но речь идёт не об убийцах, а о сумасшедших, а они могут убить в любой момент.

Доктор. Здоровые люди тоже могут, причём значительно чаще. Стоит только вспомнить моего деда Леонида фон Цанда, генерал-фельдмаршала, и проигранную им войну. В каком веке мы с вами живём? Разве медицина не добилась успехов? Разве в нашем распоряжении нет новых лекарств и препаратов, превращающих буйно помешанных в кротких овечек? Неужели нам опять запирают своих больных в одиночные камеры, да ещё и связывать их по рукам и ногам? Как будто мы не умеем отличать опасных пациентов от безопасных.

Инспектор. Однако это умение отказало вам в случаях с Бойтлером и Эрнести.

Доктор. К сожалению. Это меня и беспокоит, а вовсе не ваш рассвирепевший прокурор.

Из комнаты номер 2 выходит Эйнштейн со скрипкой в руках. Он худощав, носит усы, седые длинные волосы ниспадают на плечи.

Эйнштейн. Ну вот, я проснулся.

Доктор. Однако, профессор...

Эйнштейн. Я хорошо играл?

Доктор. Великолепно, профессор.

Эйнштейн. А медсестра Ирена Штрауб...

Доктор. Не надо об этом думать, профессор.

Эйнштейн. Тогда я, пожалуй, посплю ещё.

Доктор. Вот и прекрасно, профессор!

Эйнштейн возвращается в свою комнату. Инспектор вскакивает.

Инспектор. Так это он!

Доктор. Да, это Эрнст Генрих Эрнести.

Инспектор. Тот, кто убил...

Доктор. Прошу вас, инспектор.

Инспектор. Ну, тот кто это сделал и кто считает себя Эйнштейном. Когда он к вам поступил?

Доктор. Два года назад.

Инспектор. А Ньютон?

Доктор. Год назад. Оба неизлечимы. Видите ли, Фосс, я в своём деле, слава Богу, не новичок, это известно и вам и прокурору тоже, он всегда уважал мои диагнозы. Мой санаторий известен во всём мире, и плату я беру соответствующую. Ошибок я просто не могу себе позволить, тем более происшествий, после которых здесь появляется полиция. И если тут есть чья-то вина, то это вина медицины, а не моя. Эти несчастные случаи невозможно было предусмотреть, точно так же можно ожидать от меня или от вас, что мы задушим сиделку. Медицина не даёт объяснений для таких случаев. Разве что... (*Берёт новую сигарету.*)

Инспектор даёт ей прикурить.

Инспектор, вы не замечаете ничего странного?

Инспектор. В чём именно?

Доктор. В этих двух пациентах.

Инспектор. А что такое?

Доктор. Они оба физики. Ядерщики.

Инспектор. Ну и что?

Доктор. Инспектор, вы и в самом деле не обладаете особой проницательностью.

Инспектор (*напряжённо думает*). Фройляйн доктор...

Доктор. Да, Фосс?

Инспектор. И вы полагаете?..

Доктор. Оба исследовали радиоактивные вещества.

Инспектор. И вы подозреваете здесь какую-то связь?

Доктор. Я только констатирую, вот и всё. Оба помешались, у обоих болезнь прогрессирует, оба становятся опасными для окружающих, и оба задушили своих сиделок.

Инспектор. Вы думаете, что психические заболевания могут быть следствием радиоактивного облучения?

Доктор. К сожалению, я вынуждена учитывать такую возможность.

Инспектор (*оглядывается*). Куда ведёт эта дверь?

Доктор. В переднюю, в зелёную гостиную, на верхний этаж.

Инспектор. Сколько пациентов всё ещё находятся здесь?

Доктор. Трое.

Инспектор. Только трое?

Доктор. Всех остальных сразу же после несчастного случая перевели в новое здание. К счастью, мне удалось вовремя закончить его постройку. Деньгами помогли богатые пациенты и мои родственники. Тем, что поумирали один за другим. В основном тут. И я оказалась единственной наследницей. Судьба, Фосс. Я всегда оказываюсь единственной наследницей. Род у нас такой древний, что можно считать почти что медицинским чудом сравнительно благополучное состояние моего здоровья, - я имею в виду, конечно, свою психику.

Инспектор (*размышляет*). А кто третий пациент?

Доктор. Тоже физик.

Инспектор. Очень странно, вам не кажется?

Доктор. Ничуть. Ведь я сама размещаю своих пациентов. Писателей с писателями, промышленников с промышленниками, миллионерш с миллионершами и физиков с физиками.

Инспектор. Как его зовут?

Доктор. Иоганн Вильгельм Мёбиус.

Инспектор. Он тоже работал с радиоактивными веществами?

Доктор. Нет.

Инспектор. А он не может...

Доктор. Он здесь уже пятнадцать лет, всё в том же состоянии, совершенно безобиден.

Инспектор. Однако прокурор категорически требует, чтобы к вашим физикам были приставлены санитары-мужчины. Вам этого не избежать.

Доктор. Пусть так и будет.

Инспектор (*берёт в руки шляпу*). Прекрасно, я рад, что вы это понимаете. Мне уже дважды довелось побывать в «Вишнёвом саду», фройляйн доктор фон Цанд. И я надеюсь, что больше не придётся. (*Надевает шляпу, выходит через левую дверь на террасу и удаляется через парк.*)

Доктор Магильда фон Цанд задумчиво смотрит ему вслед. Справа появляется старшая медсестра с историей болезни в руках.

Старшая медсестра (*принюхивается, затем возмущённо*). Прошу вас, фройляйн доктор!

Доктор. О! Извините. (*Гасит сигарету.*) Поставлены ли носилки с телом Ирены Штрауб на возвышение?

Старшая медсестра. Да, под органом.

Доктор. Поставьте вокруг свечи и возложите венки.

Старшая медсестра. Я уже позвонила в цветочный магазин.

Доктор. Как себя чувствует тётя Зента?

Старшая медсестра. Слишком возбуждена.

Доктор. Удвойте дозу. А кузен Ульрих?

Старшая медсестра. Без перемен.

Доктор. Вот что я вам должна сообщить, Марта Болль. К сожалению, мне придётся нарушить оду из традиций «Вишнёвого сада». До сих пор я нанимала для ухода за больными только сиделок, завтра медсестёр на вилле заменят санитары.

Старшая медсестра. Фройляйн доктор, предупреждаю вас, что никому не уступлю моих трёх физиков. Они – самые интересные больные в моей медицинской практике.

Доктор. Моё решение – окончательное.

Старшая медсестра. Интересно, где вы раздобудете санитаров. При нынешней нехватке рабочей силы.

Доктор. Это уж моя забота. Жена Мёбиуса пришла?

Старшая медсестра. Она ждёт в зелёной гостиной.

Доктор. Пригласите её сюда.

Старшая медсестра. Вот история болезни Мёбиуса.

Доктор. Спасибо.

Старшая медсестра (*передает ей историю болезни и направляется к двери справа, но у двери оборачивается*). Однако...

Доктор. Прошу вас, старшая медсестра Марта, прошу вас... (*Старшая сестра уходит. Доктор фон Цанд кладёт историю болезни на круглый стол и читает её. Старшая медсестра вводит Лину Розе и трёх мальчиков, четырнадцати, пятнадцати и шестнадцати лет. В руках у старшего портфель. Шествие замыкает миссионер Розе. Доктор встаёт с кресла.*) Дорогая моя госпожа Мёбиус...

Лина Розе. Теперь я ношу фамилию Розе. Я жена миссионера Розе. Вероятно, я вас неприятно удивлю, фройляйн доктор, но три недели назад я вышла замуж за миссионера Розе. Может быть, это поспешный шаг, ведь мы познакомились только в сентябре на одно

конференции. *(Она краснеет и несколько смущённо кивает в сторону своего нового мужа.)* Оскар овдовел.

Доктор *(пожимает ей руку)*. Поздравляю, госпожа Розе, от души поздравляю. И вас также, господин миссионер. Желаю вам счастья. *(Приветливо кивает ему.)*

Лина Розе. Значит, вы одобряете наш поступок?

Доктор. Ну конечно же, госпожа Розе. Жизнь должна идти своим чередом.

Миссионер Розе. Какая здесь тишина! И какой покой вокруг. В этом доме царит воистину божественный мир. Как сказано в одном из псалмов: Господь внемлет сирым и не отворачивается от узников.

Лина Розе. Оскар – прекрасный проповедник, фройляйн доктор. *(Краснеет.)* А это мои мальчики.

Трое мальчиков. Здравствуйте, доктор!

Младший поднимает что-то с пола.

Йорг-Лукас. Это шнур от лампы, фройляйн доктор. Он лежал на полу.

Доктор. Спасибо, мой мальчик. У вас чудесные мальчики, госпожа Розе. Вы можете с радостью смотреть в будущее.

Лина Розе садится на диван справа, доктор – к столу слева. Позади дивана стоят трое мальчиков, в кресло справа опускается миссионер Розе.

Лина Розе. Фройляйн доктор, я не случайно привела с собой своих мальчиков. Оскар согласился возглавить миссию на Марианских островах.

Миссионер Розе. В Тихом океане.

Лина Розе. И я сочла своей обязанностью перед отъездом познакомить мальчиков с их отцом. Они увидятся в первый и последний раз. Ведь когда отец заболел, они были слишком малы, а теперь им придётся попрощаться с ним, и, вероятно, навеки.

Доктор. Госпожа Розе, с медицинской точки зрения целесообразность этой встречи может вызывать некоторые сомнения, но чисто по-человечески я понимаю ваше желание и охотно разрешаю вам эту встречу.

Лина Розе. Как поживает мой дорогой Иоганн Вильгельм?

Доктор *(листая историю болезни)*. Состояние нашего милого Мёбиуса не ухудшилось и не улучшилось, госпожа Розе. Он замкнулся в своём воображаемом мире.

Лина Розе. И по-прежнему уверяет, будто ему является царь Соломон?

Доктор. Да, по-прежнему.

Миссионер Розе. Какое злосчастное и пагубное заблуждение.

Доктор. Строгость вашего суждения меня несколько удивляет, господин Розе. Как духовное лицо, вы всё же должны считаться с возможностью чуда.

Миссионер Розе. Само собой разумеется – но не при психическом заболевании.

Доктор. Реальны или нет видения, посещающие душевнобольных, не дано судить психиатрии, дорогой господин миссионер. Нас заботит только состояние психики и нервов больного, и с этим у нашего милого Мёбиуса дела обстоят достаточно плохо, хотя болезнь и протекает вяло. Как ему помочь? О господи! Признаю, что вероятно уместен был бы курс инсулина, но поскольку все остальные способы лечения не дали никакого результата, я решила отказаться и от этого. Увы, госпожа Розе, я не волшебница и не могу вернуть здоровье нашему милому Мёбиусу, но мучить его я тоже не хочу.

Лина Розе. Знает ли он, что я... Я хочу сказать – знает ли он о нашем разводе?

Доктор. Да, я ему сообщила.

Лина Розе. И он понял?

Доктор. Его теперь почти не интересует то, что происходит в мире.

Лина Розе. Фройляйн доктор, поймите меня правильно. Я познакомилась с ним в доме моего отца, когда он пятнадцатилетним гимназистом снимал у нас каморку на чердаке. Он был сиротой и беден, как церковная мышь. Я дала ему возможность сдать на аттестат зрелости и поступить на физический факультет университета. Мы поженились в

тот день, когда ему исполнилось двадцать. Против воли моих родителей. Мы с ним трудились день и ночь. Он писал свою диссертацию, а я поступила на службу в транспортную контору. Четыре года спустя на свет появился наш старшенький, Адольф-Фридрих, потом и два других сына. Наконец появилась надежда получить профессию и немного передохнуть, но тут Иоганн Вильгельм заболел, и его болезнь поглотила огромные средства. Чтобы прокормить семью, я поступила работать на шоколадную фабрику. К Тоблеру. *(Украдкой смахивает слезу.)* Всю жизнь я надрывалась как могла.

Все взволнованы.

Доктор. Госпожа Розе, вы – мужественная женщина!

Миссионер Розе. И хорошая мать.

Лина Розе. Фройляйн доктор, до сих пор я оплачивала содержание Иоганна Вильгельма в вашей лечебнице. Хотя это было мне совсем не по средствам, но Господь всегда приходил мне на помощь. Однако сейчас мои финансовые возможности исчерпаны. И я не могу собрать необходимую сумму.

Доктор. Вполне понятно, госпожа Розе.

Лина Розе. Боюсь, вы подумали, будто я вышла за Оскара только для того, чтобы избавиться от забот об Иоганне Вильгельме. Но это не так, фройляйн доктор. Теперь мне стало ещё труднее. С Оскаром в нашу семью приходят шестеро его сыновей.

Доктор. Шестеро?

Миссионер Розе. Шестеро.

Лина Розе. Оскар такой любящий отец. И теперь придётся кормить девятерых детей, при том что Оскар отнюдь не двужильный, а жалованье у него нищенское. *(Плачет.)*

Доктор. Не надо, госпожа Розе, не надо. Не плачьте.

Лина Розе. Я так клянусь себя за то, что бросила моего бедного Иоганна Вильгельма на произвол судьбы.

Доктор. Госпожа Розе! Вам незачем так убиваться.

Лина Розе. Его теперь наверняка придётся перевести в казённую лечебницу.

Доктор. Отнюдь. Наш милый Мёбиус останется на вилле. Даю вам честное слово. Он привык быть здесь и нашёл милых, приятных коллег. Не изверг же я, в конце концов!

Лина Розе. Вы так добры ко мне, фройляйн доктор.

Доктор. Ничего подобного, госпожа Розе, ничего подобного. Просто на свете существуют разные фонды. К примеру, фонд Опеля для больных учёных, фонд доктора Штайнемана. Деньги просто валяются под ногами, и мой врачебный долг позаботиться о том, чтобы кое-что перепало вашему Иоганну Вильгельму. Так что вы можете отправляться на Марианские острова со спокойной совестью. Однако пора уже пригласить сюда нашего милого Мёбиуса. *(Идёт в глубину сцены и открывает дверь в комнату номер 1.)*

Лина Розе в волнении вскакивает с места.

Дорогой Мёбиус, к вам пришли гости. Оставьте келью учёного затворника и выйдите к ним.

Из комнаты номер 1 выходит Иоганн Вильгельм Мёбиус, немного неуклюжий мужчина лет сорока. Он робко обводит взглядом комнату, замечает Лину Розе, потом мальчиков и наконец миссионера Розе, долго смотрит на них непонимающим взглядом и молчит.

Лина Розе. Иоганн Вильгельм!

Мальчики *(хором)*. Папа!

Мёбиус молчит.

Доктор. Мой милый Мёбиус, надеюсь, вы всё-таки узнали вашу супругу.
Мёбиус (*уставясь на Лину Розе*). Лина?
Доктор. Картина мало-помалу проясняется, Мёбиус. Конечно же, это ваша жена.
Мёбиус. Здравствуй, Лина.
Лина Розе. Иоганн Вильгельм, дорогой, любимый мой Иоганн Вильгельм!
Доктор. Ну вот. С этим мы справились. Господа, если захотите ещё немного со мной побеседовать, я к вашим услугам. Найдёте меня в новом здании. (*Уходит в левую дверь.*)
Лина Розе. Это твои сыновья, Иоганн Вильгельм.
Мёбиус (*растерянно*). Трое?
Лина Розе. Ну конечно же трое, Иоганн Вильгельм. (*Подталкивает мальчиков к нему.*) Адольф-Фридрих, твой старший сын.

Мёбиус пожимает ему руку.

Мёбиус. Очень рад, Адольф-Фридрих, мой старший сын.
Адольф-Фридрих. Здравствуй, папочка.
Мёбиус. Сколько тебе лет, Адольф-Фридрих?
Адольф-Фридрих. Шестнадцать, папочка.
Мёбиус. И кем ты хочешь стать?
Адольф-Фридрих. Священником, папочка.
Мёбиус. Я вспомнил. Как-то раз я вёл тебя за руку по площади Святого Иосифа. Солнце пекло, и тени были резко прочерчены. (*Поворачивается ко второму сыну.*) А ты... Как тебя зовут?
Вильфрид-Каспар. Меня зовут Вильфрид-Каспар, папочка.
Мёбиус. Тебе четырнадцать?
Вильфрид-Каспар. Пятнадцать. Я хотел бы изучать философию.
Мёбиус. Философию?
Лина Розе. Он необыкновенно развитой мальчик.
Вильфрид-Каспар. Я читал Шопенгауэра и Ницше.
Лина Розе. А вот и наш младшенький, Йорг-Лукас. Ему четырнадцать.
Йорг-Лукас. Здравствуй, папочка.
Мёбиус. Здравствуй, Йорг-Лукас, мой младшенький.
Лина Розе. Он больше всех на тебя похож.
Йорг-Лукас. Я хочу стать физиком, папочка.
Мёбиус (*испуганно глядя на младшего сына*). Физиком?
Йорг-Лукас. Да, папочка.
Мёбиус. Этого не следует делать, Йорг-Лукас. Ни в коем случае. Выбрось это из головы. Я... я тебе запрещаю.
Йорг-Лукас (*растерянно*). Но ведь ты и сам стал физиком, папочка.
Мёбиус. Мне тоже не следовало этого делать. Ни в коем случае. Я не сидел бы теперь в сумасшедшем доме.
Лина Розе. Что ты говоришь, Иоганн Вильгельм! Ты заблуждаешься. Ты живёшь в санатории, а не в сумасшедшем доме. У тебя расстроены нервы, только и всего.
Мёбиус (*качает головой*). Нет, Лина. Меня считают помешанным. Все. И ты тоже. И мои мальчики. Потому что мне является царь Соломон.

Все смущённо молчат. Лина Розе решается представить Мёбиусу миссионера.

Лина Розе. Я хочу представить тебе Оскара Розе. Это мой муж. Он миссионер.
Мёбиус. Твой муж? Но ведь твой муж я!
Лина Розе. Уже нет. (*Краснеет.*) Ведь мы развелись.
Мёбиус. Мы развелись?
Лина Розе. Ты же об этом знаешь.
Мёбиус. Нет.
Лина Розе. Фройляйн доктор Цанд тебе сообщила. Это точно.

Мёбиус. Возможно.

Лина Розе. И потом я вышла замуж за Оскара. У него шестеро сыновей. Он был пастором в Гутаннах, а теперь получил место на Марианских островах.

Миссионер Розе. Это в Тихом океане.

Лина Розе. Послезавтра мы садимся на пароход в Бремене.

Мёбиус молчит, все растеряны.

Да. Вот как обстоят дела.

Мёбиус (*приветливо кивает миссионеру*). Рад был познакомиться с новым отцом моих мальчиков, господин миссионер.

Миссионер Розе. Я полюбил их всем сердцем, господин Мёбиус, всех троих. Господь поможет нам, ибо в псалме сказано: Господь пастырь мой, и не будет мне ни в чём нужды.

Лина Розе. Оскар знает все псалмы наизусть. И псалмы Давида, и псалмы Соломона.

Мёбиус. Я рад, что мои мальчики обрели столь достойного отца. Я был плохим отцом.

Лина Розе. Что ты такое говоришь, дорогой!

Мёбиус. Поздравляю от всей души!

Лина Розе. Нам уже пора.

Мёбиус. На Марианские острова.

Лина Розе. Пора прощаться.

Мёбиус. Навсегда.

Лина Розе. Твои мальчики необычайно музыкальны, Иоганн Вильгельм. Они так прелестно играют на флейте. Сыграйте папочке что-нибудь на прощанье, мои дорогие.

Мальчики. Хорошо, мамочка.

Адольф-Фридрих открывает портфель, вынимает флейты и раздаёт братьям.

Лина Розе. Присядь, мой милый.

Мёбиус садится за круглый стол. Лина Розе и миссионер Розе опускаются на диван. Мальчики становятся в ряд посреди гостиной.

Йорг-Лукас. Что-нибудь из Букстехуде [Букстехуде Дитрих, 1637-1707, датско-немецкий композитор и органист, один из предшественников И. С. Баха – прим. перев.].

Адольф-Фридрих. Раз, два, три!

Мальчики играют на флейтах.

Лина Розе. Больше чувства, мальчики, задушевнее!

Мальчики играют задушевнее. Мёбиус вскакивает.

Мёбиус. Не надо! Прошу вас, не надо!

Мальчики растерянно прекращают игру.

Не надо больше играть. Прошу вас. Ради царя Соломона. Больше не играйте.

Лина Розе. Как же так, Иоганн Вильгельм! Отчего же.

Мёбиус. Пожалуйста, больше не играйте. Пожалуйста, больше не играйте. Пожалуйста, пожалуйста.

Миссионер Розе. Господин Мёбиус, именно царь Соломон порадовался бы игре этих невинных детей. Подумайте сами: ведь царь Соломон – автор псалмов, творец Песни песней.

Мёбиус. Господин миссионер. Я знаю Соломона в лицо. Он больше не тот великий царь в золотых одеждах, что воспевал Суламифь и юных косулей, пасущихся среди роз, он сбросил с плеч пурпурную мантию... *(Внезапно бросается мимо своего перепуганного семейства к двери в свою комнату и распахивает её.)* Нагой и вонючий, сидит он, скорчившись, в моей комнате, этот бедный владыка Истины, и псалмы его ужасны. Слушайте внимательно, господин миссионер, ведь вы так любите псалмы и знаете их все наизусть. Выучим-ка ещё и этот. *(Подходит к круглому столу, переворачивает его вверх ножками, забирается в середину и усаживается там.)* Псалом царя Соломона для исполнения астронавтами.

Мы рванули в космос.
К лунным пустыням.
И погрузились в их пыль.
Без звука подошли.
Уже там многие. Но большинство
Сварилось в свинцовых парах Меркурия
И растворилось в масляных пятнах Венеры,
И даже на Марсе нас пожирало Солнце –
Громоподобное, радиоактивное, жёлтое.

Мёбиус.

Юпитер, этот наш шар густой метановой каши,
Смердел на всю Вселенную
И так давил на нас своей мощью,
Что мы облевали весь Ганимед.

Миссионер Розе. Послушайте, господин Мёбиус...
Мёбиус.

Сатурн мы осыпали бранью,
А что потом – не стоит и вспоминать:
Уран, Нептун – сплошь
Серовато-зелёные льдышки,
На Плутон и Трансплутон полетели
Последние сальные шутки.

Мальчики. Папочка...
Мёбиус.

А мы уж давно перепутали
С Солнцем Сириус,
А Сириус – с Канопусом,
Отверженные, мы мчались вверх к глубинам глубин,
К неведомым, раскалённым добела звёздам,
Не надеясь их в жизни достичь...

Лина Розе. Боже мой, Иоганн Вильгельм, дорогой!
Мёбиус.

Мы давно уже стали мумиями,

Покрытыми коростой нечистот.

Справа появляется старшая медсестра вместе с сестрой Моникой.

Старшая медсестра. Бог с вами, господин Мёбиус.
Мёбиус.

И на наших мёртвых застывших рожах
Нет и тени воспоминания о живой дышащей Земле.

Он сидит неподвижно с застывшим, как маска, лицом между ножками перевернутого
стола.

Лина Розе. Но дорогой мой Иоганн Вильгельм...

Мёбиус. Убирайтесь наконец на свои Марианские острова!

Мальчики. Папочка...

Мёбиус. Вон! И поскорее! На Марианские острова! (*Встаёт с угрожающим
видом.*)

Семейство Розе в полном смятении.

Старшая медсестра. Пойдёмте, госпожа Розе, и вы, мальчики, пойдёмте, господин
миссионер. Ему нужно успокоиться, вот и всё.

Мёбиус. Вон! Убирайтесь все!

Старшая медсестра. Небольшой приступ. Сестра Моника побудет с им и успокоит
его. Всего лишь небольшой приступ.

Мёбиус. Выметайтесь же! И навсегда! На Тихий океан!

Йорг-Лукас. Прощай, папочка! Прощай!

Старшая медсестра уводит перепуганное, плачущее семейство в дверь справа.

Мёбиус (*кричит им вслед*). Не хочу вас больше видеть! Вы оскорбили царя
Соломона! Будьте прокляты! Провалитесь вместе со своими островами в Марианский
желоб на глубину в одиннадцать тысяч метров! И пропадите пропадом в самой чёрной
дыре океана, забытые Богом и людьми!

Медсестра Моника. Мы с вами одни. Ваши родные вас уже не слышат.

Мёбиус удивлённо сверлит взглядом Моника, наконец приходит в себя.

Мёбиус. Ах так, ну да, конечно. (*Моника молчит. Он немного смущён.*) Я и впрямь
порядком вышел из себя?

Медсестра Моника. Да уж.

Мёбиус. Я не мог не сказать им правду.

Медсестра Моника. Видимо, так.

Мёбиус. И разволновался.

Медсестра Моника. Вы только делали вид.

Мёбиус. Вы видите меня насквозь?

Медсестра Моника. Но вы ведь уже два год на моём попечении.

Мёбиус (*расхаживает по комнате, затем останавливается*). Хорошо. Признаюсь.
Я строил из себя сумасшедшего.

Медсестра Моника. Зачем?

Мёбиус. Чтобы навсегда распрощаться с женой и сыновьями. Навсегда.

Медсестра Моника. Таким ужасным способом?

Мёбиус. Таким гуманным способом. Если уж сидишь в сумасшедшем доме, то с
прошлым лучше всего покончить, изобразив безумие. Теперь мои родные могут забыть

обо мне с чисто совестью. Моя выходка навсегда отобьёт у них охоту меня навещать. Как это отзовется на мне лично, не имеет значения, важна только жизнь за стенами этого дома. Изображать сумасшествие стоит громадных денег. И моя добрая Лина целых пятнадцать лет платила за меня совершенно немыслимые суммы, пора было положить этому конец. Да и момент оказался на редкость благоприятным. Царь Соломон открыл мне всё, что должен был открыть, система всех возможных открытий завершена, последние страницы продиктованы, а тут и жена моя нашла себе нового мужа, благопристойнейшего миссионера Розе. Так что вы можете успокоиться, сестра Моника, теперь со мной всё в порядке. *(Хочет уйти.)*

Медсестра Моника. Вы действуете вполне обдуманно.

Мёбиус. Я же физик. *(Направляется к своей комнате.)*

Медсестра Моника. Господин Мёбиус!

Мёбиус *(останавливается)*. Да, сестра Моника?

Медсестра Моника. Мне нужно с вами поговорить.

Мёбиус. Пожалуйста.

Медсестра Моника. Это касается нас обоих.

Мёбиус. Давайте присядем.

Они садятся: она – на диван, он – в кресло слева.

Медсестра Моника. Мы с вами тоже должны попрощаться. И тоже навсегда.

Мёбиус *(испуганно)*. Вы меня покидаете?

Медсестра Моника. Таков приказ.

Мёбиус. А что случилось?

Медсестра Моника. Меня переводят в главный корпус. Уже завтра здесь будут дежурить санитары-мужчины. Медсестрам вход сюда будет запрещён.

Мёбиус. Из-за Ньютона и Эйнштейна?

Медсестра Моника. Этого потребовал прокурор. А главный врач побоялась неприятностей и уступила.

Молчание.

Мёбиус *(грустно)*. Сестра Моника, я страшно удручён. Я разучился выражать свои чувства, профессиональные беседы с больными физиками, моими соседями, вряд ли можно назвать человеческим общением. Я потерял дар речи, боюсь, что и душа моя онемела. Но я хочу, чтобы вы знали: с тех пор, как мы с вами познакомились, всё для меня переменялось. А теперь, оказывается, это время миновало. Два года я был хоть немного счастливее, чем раньше. Потому что благодаря вам, сестра Моника, я нашёл в себе душевные силы, чтобы достойно переносить своё затворничество и свою судьбу – жить в сумасшедшем доме. Будьте счастливы. *(Встаёт и хочет пожать ей руку.)*

Медсестра Моника. Господин Мёбиус, я не считаю вас... сумасшедшим.

Мёбиус *(смеётся, вновь садится в кресло)*. Я тоже не считаю. Но это ничего не меняет в моём положении. Моя беда состоит в том, что мне является царь Соломон. А ведь в мире науки нет ничего более возмутительного, чем чудо.

Медсестра Моника. Господин Мёбиус, а я верю в это чудо.

Мёбиус *(растерянно смотрит на неё)*. Вы верите?

Медсестра Моника. Да, я верю в царя Соломона.

Мёбиус. Вы верите в то, что он мне является?

Медсестра Моника. Да, и в это тоже.

Мёбиус. Каждый день и каждую ночь?

Медсестра Моника. Да, каждый день и каждую ночь.

Мёбиус. И что он открывает мне тайны природы? И связь всех вещей? И систему всех возможных научных открытий?

Медсестра Моника. Да, я во всё это верю. И если вы мне скажете, что вам являлся и царь Давид со всеми своими придворными, я и в это поверю. Я просто знаю, что вы не больны. Я это чувствую.

Тишина. Потом Мёбиус вскакивает.

Мёбиус. Сестра Моника! Уходите!

Медсестра Моника (*не вставая с места*). Я остаюсь.

Мёбиус. Я не желаю вас больше видеть.

Медсестра Моника. Но я вам нужна. Ведь кроме меня у вас никого на свете нет. Ни одной живой души.

Мёбиус. Поверить в царя Соломона – это верная смерть!

Медсестра Моника. Но я вас люблю.

Мёбиус (*растерянно смотрит на сестру Моника и вновь садится. Пауза. Потом тихо, упавшим голосом*). Вы идёте навстречу своей гибели.

Медсестра Моника. Я боюсь не за себя, я боюсь за вас. Ньютон и Эйнштейн – опасные люди.

Мёбиус. Я умею с ними ладить.

Медсестра Моника. Сёстры Доротея и Ирена тоже умели с ними ладить. Но потом ушли из жизни.

Мёбиус. Сестра Моника. Вы признались мне, что верите мне и любите меня. Вы вынуждаете и меня сказать вам правду. Я тоже люблю вас, Моника.

Она неотрывно смотрит на него.

Люблю больше жизни. И поэтому вам грозит опасность. Раз мы любим друг друга.

Из комнаты номер 2 выходит Эйнштейн. Он курит трубку.

Эйнштейн. Я опять проснулся.

Медсестра Моника. Но, господин профессор...

Эйнштейн. Я вдруг вспомнил.

Медсестра Моника. Но, господин профессор...

Эйнштейн. Ведь я задушил сестру Ирену.

Медсестра Моника. Не думайте больше об этом, господин профессор.

Эйнштейн (*разглядывая свои руки*). Смогу ли я ещё когда-нибудь играть на скрипке?

Мёбиус поднимается, словно бы для того, чтобы защитить Моника.

Мёбиус. Ведь вы только что играли на скрипке.

Эйнштейн. Ну и как – сносно?

Мёбиус. Вы играли «Крейцерову сонату». Как раз когда здесь была полиция.

Эйнштейн. «Крейцерову сонату». Слава Богу! (*Выражение его лица на миг светлеет, потом снова становится мрачным.*) На скрипке я вообще-то не очень люблю играть, а трубку и вовсе терпеть не могу. Вкус у неё отвратительный.

Мёбиус. Ну, так и бросьте её курить.

Эйнштейн. Не могу. Как-никак я же Альберт Эйнштейн. (*Пристально всматривается в лица обоих.*) Вы что – любите друг друга?

Медсестра Моника. Да, мы любим друг друга.

Эйнштейн в задумчивости удаляется в глубь сцены, туда, где лежала убитая медсестра, и рассматривает нарисованные мелом очертания её тела.

Эйнштейн. Мы с сестрой Иреной тоже любили друг друга. Она готова была сделать для меня всё, эта сестра Ирена. Я её предупреждал. Я кричал на неё. Я обращался с ней

как с собакой. Умолял её бежать отсюда. Всё тщетно. Она осталась. Хотела уехать вместе со мной в деревню. В Кольванг. Хотела выйти за меня замуж. Даже получила разрешение на это от фройляйн доктора фон Цанд. Тогда я её задушил. Бедная сестра Ирена. Нет на свете большей бессмыслицы, чем то неистовство, с которым женщины приносят себя в жертву.

Медсестра Моника (*подходит к нему*). Вам сейчас лучше прилечь, господин профессор.

Эйнштейн. Можете называть меня Альбертом.

Медсестра Моника. Будьте же благоразумны, Альберт.

Эйнштейн. Будьте и вы благоразумны, сестра Моника. Послушайтесь вашего возлюбленного и бегите отсюда! Иначе пропадёте. (*Опять направляется к комнате номер 2.*) Пойду ещё посплю. (*Исчезает за дверь своей комнаты.*)

Медсестра Моника. Бедняга, совсем помешался.

Мёбиус. Но он по крайней мере убедил вас, что любить меня невозможно?

Медсестра Моника. Вы же не сумасшедший.

Мёбиус. С вашей стороны было бы благоразумнее считать меня сумасшедшим. Бегите отсюда! Испаритесь! Исчезните! Иначе мне тоже придётся обойтись с вами как с собакой.

Медсестра Моника. Лучше обращайтесь со мной как с возлюбленной.

Мёбиус. Идите сюда, Моника. (*Он подводит её к одному из кресел, сам садится в кресло напротив и берёт её руки в свои.*) Выслушайте меня. Я совершил тяжкую ошибку. Я выдал людям свою тайну, проболтался, что мне является царь Соломон. За это мне придётся расплачиваться. До конца моих дней. Я это заслужил. Но вы-то не должны из-за этого страдать. Посторонние будут думать, что вы полюбили сумасшедшего. Вы навлечёте на себя беду. Уйдите из этой лечебницы, забудьте меня. Так будет лучше для нас обоих.

Медсестра Моника. Разве я вам не желанна?

Мёбиус. Почему вы говорите со мной таким образом?

Медсестра Моника. Потому что я хочу с вами спать и рожать от вас детей. Знаю, что слова мои бесстыдны. Но почему вы на меня не смотрите? Разве я вам не нравлюсь? Правда, этот халат и чепец отвратительны. (*Срывает с головы белую шапочку.*) Я ненавижу свою профессию! Пять лет я ухаживала за больными во имя любви к ближнему. Никогда я не отворачивалась от них, всегда была рядом, я жертвовала собой для всех. Но теперь я хочу жертвовать собой для одного человека, жить для него, а не для всех. Я хочу жить ради любимого. Ради вас. Я буду делать всё, что вы захотите, буду работать для вас день и ночь, только не прогоняйте меня! У меня ведь тоже нет никого на свете, кроме вас! Я ведь тоже совсем одинока!

Мёбиус. Моника, я вынужден вас прогнать.

Медсестра Моника (*в отчаянии*). Значит, ты совсем меня не любишь?

Мёбиус. Наоборот, я люблю тебя, Моника. О Господи, я люблю тебя, это и есть безумие...

Медсестра Моника. Почему же ты меня предаёшь? И не только меня. Ты утверждаешь, что тебе является царь Соломон. Почему ты и его предаёшь

Мёбиус (*крайне возбуждён, хватая её*). Моника! Можешь думать обо мне что угодно и считать меня слабаком. Это твоё право. Я недостойн твоей любви. Но царю Соломону я остался верен. Он ворвался в мою жизнь нежданно-негаданно, использовал меня, как хотел, изуродовал мою судьбу, но я не предал его.

Медсестра Моника. Ты в этом уверен?

Мёбиус. А ты сомневаешься?

Медсестра Моника. Ты думаешь, что тебе приходится расплачиваться за то, что ты рассказал о своих видениях. А может, ты расплачиваешься именно потому, что не стал бороться за то, что он тебе открыл.

Мёбиус (*отпускает её*). Я... не понимаю тебя.

Медсестра Моника. Он поведал тебе систему всех возможных открытий. Борешься ли ты за её признание?

Мёбиус. Но меня же все считают сумасшедшим.

Медсестра Моника. Почему ты так малодушен?

Мёбиус. Мужество в моём случае – преступление.

Медсестра Моника. Иоганн Вильгельм, я говорила о тебе с фройляйн доктор.

Мёбиус (*установился на неё*). Ты говорила с ней обо мне?

Медсестра Моника. Ты свободен.

Мёбиус. Свободен?

Медсестра Моника. И мы можем жениться.

Мёбиус. Боже мой.

Медсестра Моника. Фройляйн доктор фон Цанд уже всё устроила. Правда, она считает тебя больным, но не опасным для окружающих. И думает, что твоя болезнь не передаётся по наследству. Она даже заявила, что сама куда безумнее тебя, и рассмеялась.

Мёбиус. Это очень мило с её стороны.

Медсестра Моника. Она просто изумительный человек!

Мёбиус. Несомненно.

Медсестра Моника. Иоганн Вильгельм! Я согласилась занять должность медсестры в муниципальной клинике Блюменштайна. У меня есть сбережения. Так что бедствовать нам не придётся. И мы сможем просто любить друг друга.

Мёбиус поднимается. В гостиной мало-помалу сгустились сумерки.

Разве это не чудесно?

Мёбиус. Конечно.

Медсестра Моника. Ты вовсе не рад.

Мёбиус. Всё это так неожиданно.

Медсестра Моника. Я сделала и ещё кое-что.

Мёбиус. Что именно?

Медсестра Моника. Я поговорила со знаменитым физиком профессором

Шербертом.

Мёбиус. Он был моим учителем.

Медсестра Моника. Он тебя сразу вспомнил. И сказал, что ты был его лучшим учеником.

Мёбиус. О чём же ты с ним говорила?

Медсестра Моника. Он обещал мне, что прочтёт твои рукописи и оценит их совершенно объективно.

Мёбиус. А ты сказала ему, что они надиктованы мне царём Соломоном?

Медсестра Моника. Разумеется.

Мёбиус. Ну, а он?

Медсестра Моника. Он рассмеялся и сказал, что ты всегда был ужасным шутником. Иоганн Вильгельм! Мы обязаны думать не только о себе. Ты – Божий избранник. Тебе является во всём своём блеске царь Соломон, ты приобщён к мудрости небес. Теперь ты должен неуклонно идти по пути, предуказанному чудом, даже если этот путь ведёт сквозь насмешки и издевательства, сквозь неверие и сомнения. Но он ведёт нас отсюда, из этой лечебницы, в широкий мир, не к одиночеству, а к борьбе. И я буду рядом, чтобы тебе помочь, чтобы бороться вместе с тобой, ибо небо, пославшее к тебе царя Соломона, послало тебе и меня. (*Мёбиус неотрывно смотрит в окно.*) Любимый мой!

Мёбиус. Что, любимая?

Медсестра Моника. Ты не рад?

Мёбиус. Я очень рад.

Медсестра Моника. Пора укладывать твои чемоданы. Поезд в Блюменштайн уходит в восемь двадцать. (*Она скрывается за дверью номер 1.*)

Мёбиус. Укладывать-то почти нечего.

Из комнаты номер 1 выходит Моника с пачкой рукописей.

Медсестра Моника. Вот твои рукописи. (*Кладёт их на стол.*) Стало совсем темно.
Мёбиус. Да, теперь ночь наступает рано.
Медсестра Моника. Я зажгу свет. Потом уложу твой чемодан.
Мёбиус. Подожди. Подойди сначала ко мне.

Она идёт к нему. Видны лишь эти два силуэта.

Медсестра Моника. У тебя на глазах слёзы.
Мёбиус. У тебя тоже.
Медсестра Моника. Это от счастья.

Он срывает портьеру и набрасывает на неё. Короткая борьба. Их силуэты больше не видны. Потом наступает тишина. Дверь комнаты номер 3 открывается. В гостиную падает полоса света. В проёме двери стоит Ньютон в костюме своего времени. Мёбиус подходит к столу и берёт свои рукописи.

Ньютон. Что тут произошло?
Мёбиус (*направляется к своей комнате*). Я задушил свою сиделку Моника Штеттлер.

Из комнаты номер 2 слышатся звуки скрипки.

Ньютон. Эйнштейн опять играет на скрипке. Это «Прекрасный Розмарин» Крайслера. (*Подходит к камину и достаёт из тайничка коньяк.*)

Действие второе

Та же гостиная час спустя. За окном ночь. В комнате снова полиция. Опять измеряют, записывают, фотографируют. Только теперь публика уже догадывается, что труп Моники Штеттлер лежит справа под окном, хотя его и не видно. Гостиная освещена. Горят и люстра, и торшер. На диване сидит фройляйн доктор Матильда фон Цанд, мрачная, погруженная в свои мысли. На маленьком столике перед ней стоит коробка с сигарами, в кресле справа на авансцене сидит полицейский Гуль с блокнотом. Инспектор Фосс в шляпе и плаще отходит от трупа и выходит на передний план.

Доктор. Хотите сигару?

Инспектор. Нет, спасибо.

Доктор. Рюмку шнапса?

Инспектор. Попозже. *(Молчание.)*

Блохер, можешь сфотографировать.

Блохер. Слушаюсь, господин инспектор.

Фотографирует со вспышкой.

Инспектор. Как звали медсестру?

Доктор. Моника Штеттлер.

Инспектор. Возраст?

Доктор. Двадцать пять. Родом из Блюменштайна.

Инспектор. Есть родственники?

Доктор. Нет.

Инспектор. Гуль, вы записали показания?

Гуль Так точно, господин инспектор.

Инспектор. Доктор, опять удушение?

Судебный врач. Несомненно. И опять с недюжинной силой. Но на этот раз шнуром от портьеры.

Инспектор. Точно также было три месяца назад. *(Устало опускается в кресло справа на авансцене.)*

Доктор. Не хотите видеть убийцу...

Инспектор. Прошу вас, фройляйн доктор.

Доктор. ...я хотела сказать – того, кто это сделал?

Инспектор. И не подумаю.

Доктор. Однако...

Инспектор. Фройляйн доктор фон Цанд. Я выполняю свой долг: составляю протокол, осматриваю труп, велю его сфотографировать и прошу нашего судебного врача его освидетельствовать. Но Мёбиуса я обследовать не буду. Предоставляю его вам. Окончательно и бесповоротно, равно как и остальных облучённых физиков.

Доктор. Что думает обо всём это прокурор?

Инспектор. На сей раз даже не бесится. Размышляет.

Доктор (*вытирает пот со лба*). Здесь очень жарко.

Инспектор. Что вы, ничуть.

Доктор. Это третье убийство...

Инспектор. Прошу вас, фройляйн доктор.

Доктор. ...это третий несчастный случай... Только его мне не хватало в «Вишнёвом саду». Пора уходить в отставку. Моника Штеттлер была моей лучшей сиделкой. Она понимала больных. Очень чуткая была девушка. Я любила её как дочь. Но её смерть – ещё не самое страшное. Погибла моя медицинская репутация.

Инспектор. Ну, это дело поправимое. Блохер, сделай ещё один снимок сверху.

Блохер. Слушаюсь, господин инспектор.

Справа два верзилы санитар ввозят столик с посудой и едой. Один из них негр. Их сопровождает старший санитар такого же исполинского роста.

Старший санитар. Ужин для наших дорогих больных, фройляйн доктор.

Инспектор (*вскакивает*). Уве Сиверс?

Старший санитар. Правильно, господин инспектор, Уве Сиверс. Бывший чемпион Европы по боксу в тяжёлом весе. Ныне – старший санитар в лечебнице «Вишнёвый сад».

Инспектор. А два других великана?

Старший санитар. Мурильо, южноамериканец, тоже чемпион по боксу в тяжёлом весе, и Мак-Артур (*указывает на негра*) – североамериканский чемпион по боксу в среднем весе. Поставь стол на ножки, Мак-Артур. (*Мак-Артур переворачивает стол.*) Мурильо, скатерть! (*Мурильо стелет на стол белую скатерть.*) Мак-Артур, мейсенский фарфор! (*Мак-Артур расставляет фарфоровую посуду.*) Мурильо, столовое серебро! (*Мурильо раскладывает приборы.*) Мак-Артур, супницу поставьте на середину стола! (*Мак-Артур ставит супницу на стол.*)

Инспектор. Чем кормят нынче наших дорогих больных? (*Поднимает крышку супницы.*) Супчик с клецками из печёнки.

Старший санитар. Далее – цыплёнок на вертеле и кордон блю.

Инспектор. Фантастика!

Старший санитар. Высший класс!

Инспектор. Я чиновник четырнадцатого разряда, так что у меня дома таких кулинарных изысков не случается.

Старший санитар. Кушать подано, фройляйн доктор.

Доктор. Вы свободны, Сиверс. Пациенты обслужат себя сами.

Старший санитар. Имею честь откланяться, господин инспектор.

Санитары кланяются и уходят направо.

Инспектор (*смотрит им вслед*). Чёрт меня побери!

Доктор. Довольны?

Инспектор. Завидую. Нам бы заполучить таких орлов в полицию...

Доктор. Эти орлы получаю баснословные деньги.

Инспектор. У вас тут лечатся промышленные магнаты и мультимиллионерши, так что вы можете себе это позволить. Ну, теперь-то прокурор наконец успокоится. От этих молодчиков никто не улизнёт.

Из комнаты номер 2 слышатся звуки скрипки – играет Эйнштейн.

Доктор. Опять «Крейцера соната».
Инспектор. Я знаю. Анданте.
Блохер. Мы закончили, господин инспектор.
Инспектор. Что ж, тогда выносите труп.

Двое полицейских поднимают тело. Вдруг из комнаты номер 1 выбегает Мёбиус.

Мёбиус. Моника! Любовь моя!

Полицейские, несущие труп, замирают на месте.

Доктор (*поднимается с величественным видом*). Мёбиус! Как вы могли? Вы убили мою лучшую сиделку, мою милейшую сиделку!

Мёбиус. Мне так жаль, фройляйн доктор.

Доктор. Значит, вам всё-таки жаль.

Мёбиус. Но так приказал царь Соломон.

Доктор. Ах, царь Соломон... (*Бледнеет и тяжело опускается в кресло.*) Значит, его величество повелел свершить это убийство.

Мёбиус. Я стоял у окна и глядел в темноту. Вдруг царь, явившись со стороны парка через террасу, приблизился ко мне и прошептал этот приказ сквозь оконное стекло.

Доктор. Извините меня, Фосс. Что-то нервы сдают.

Инспектор. Ну ладно, ладно. Не о чем говорить.

Доктор. В такой лечебнице можно и самой сойти с ума.

Инспектор. Легко себе представить.

Доктор. Я, пожалуй, пойду... (*Встаёт.*) Господин инспектор Фосс, передайте прокурору моё глубочайшее сожаление по поводу того, что случилось в моём санатории. И заверьте, что теперь всё будет в порядке. Господин доктор, господа, имею честь кланяться. (*Идёт сначала налево в глубь сцены, почтительно склоняется перед телом Моника, бросает взгляд в сторону Мёбиуса и уходит направо.*)

Инспектор. Так-так. Ну, теперь вы наконец можете отнести тело в часовню. Положите рядом с медсестрой Иреной.

Мёбиус. Моника!

Двое полицейских, несущих тело, и все остальные, участвующие в следствии, выходят в дверь, ведущую в парк. За ними следует судебный врач.

Моника, любимая моя!

Инспектор (*подходит к столику возле дивана*). Теперь я всё же закурю сигару. Я её заслужил. (*Берёт из коробки толстенную сигару и долго её разглядывает.*) Вот это да! (*Откусывает кончик сигары и раскуривает её.*) Дорогой Мёбиус, за решёткой камина сэра Исаак Ньютон спрятал бутылку коньяка.

Мёбиус. Прошу, господин инспектор. (*Инспектор молча пускает клубы дыма, пока Мёбиус достаёт бутылку и рюмку.*)

Разрешите налить?

Инспектор. Охотно. (*Берёт рюмку, пьёт.*)

Мёбиус. Ещё рюмочку?

Инспектор. С удовольствием.

Мёбиус (*наливает*). Господин инспектор, вынужден просить вас арестовать меня.

Инспектор. С чего бы это, мой дорогой Мёбиус?

Мёбиус. Как же – ведь это я убил сестру Моника...

Инспектор. Но согласно вашему собственному признанию вы действовали по приказу царя Соломона. Покуда я не смогу его арестовать, вы тоже останетесь на свободе.

Мёбиус. И всё-таки...

Инспектор. Никаких «всё-таки». Налейте-ка мне ещё рюмашечку.

Мёбиус. Пожалуйста, господин инспектор.

Инспектор. А теперь спрячьте-ка бутылку на прежнее место, а то санитары вылакают.

Мёбиус. Само собой, господин инспектор. *(Прячет коньяк.)*

Инспектор. Давайте присядем.

Мёбиус. Само собой, господин инспектор. *(Садится на стул.)*

Инспектор. Нет, вот сюда. *(Показывает на диван.)*

Мёбиус. Само собой, господин инспектор. *(Садится на диван.)*

Инспектор. Видите ли, каждый год в самом городке и его окрестностях мне приходится сажать за решётку несколько убийц. Е так уж много. Едва с полдюжины наберётся. Одних я сажаю с удовольствием, другие вызывают у меня жалость. Однако сажать их мне всё равно приходится. Закон есть закон. Но вот являетесь вы и двое ваших коллег. Поначалу я просто из себя выходил из-за того, что не мог принять соответствующих мер, а теперь? Теперь меня это только радует. Да я готов вопить от счастья. Я нашёл трёх убийц, которых с чистой совестью имею право не сажать в тюрьму. Закон впервые даёт мне передохнуть. Прекрасное ощущение! Друг мой, служение закону изнуряет человека, оно разрушает и здоровье, и душу, так что передышка мне попросту необходима. И этим удовольствием я обязан вам, дружище. Прощайте. Передайте мой сердечный привет Ньютону и Эйнштейну, а царю Соломону – низкий поклон.

Мёбиус. Само собой, господин инспектор.

Инспектор уходит. Мёбиус остаётся один. Он опускается на диван и сжимает виски ладонями. Из комнаты номер 3 выходит Ньютон.

Ньютон. Чем нас сегодня потчуют? *(Мёбиус не отвечает. Ньютон открывает крышку супницы.)* О, супчик с клецками из печёнки. *(Снимает крышки с остальных блюд, стоящих на сервировочном столике.)* Цыплёнок на вертеле и кордон блю. Удивительно! Обычно ужин у нас слишком лёгкий. И довольно скромный. С тех пор, как остальных пациентов перевели в новое здание. *(Наливает себе суп.)* А вы не хотите поесть? *(Мёбиус молчит.)* Понимаю. После кончины моей сиделки у меня тоже пропал аппетит. *(Садится и начинает есть суп с клецками.)*

Мёбиус встаёт и хочет уйти в свою комнату.

Погодите.

Мёбиус. В чём дело, сэр Исаак?

Ньютон. Мне надо с вами поговорить, Мёбиус.

Мёбиус *(останавливается)*. Итак?

Ньютон *(показывает на кушанья)*. Не хотите ли всё же отведать супчик с печёночными клецками? Супчик отменный, скажу я вам.

Мёбиус. Нет.

Ньютон. Дорогой Мёбиус, за нами отныне не будут ухаживать сёстры, нас будут охранять санитары. Здоровенные верзилы.

Мёбиус. Это не имеет значения.

Ньютон. Для вас, Мёбиус, может, и не имеет. Ведь вы, очевидно, хотите окончить свои дни в сумасшедшем доме. Но для меня это очень важно. Я хочу выбраться отсюда. *(Кончает есть суп.)* Ну так вот. Возьмёмся теперь за цыплёнка на вертеле. *(Кладёт себе на тарелку.)* Появление санитаров вынуждает меня действовать. Сегодня же.

Мёбиус. Это ваше дело.

Ньютон. Не совсем. Признаюсь вам, Мёбиус, я вовсе не сумасшедший.

Мёбиус. Конечно нет, сэр Исаак.

Ньютон. Я не сэр Исаак Ньютон.

Мёбиус. Знаю: вы – Альберт Эйнштейн.

Ньютон. Бред! Но я и не Герберт Георг Бойтлер, как здесь считают. Моё настоящее имя Килтон, мой мальчик.

Мёбиус (*в ужасе на него смотрит*). Алек Джаспер Килтон?

Ньютон. Совершенно верно.

Мёбиус. Основоположник теории соответствий?

Ньютон. Он самый.

Мёбиус (*подходит к столу*). Вы сюда пробрались...

Ньютон. ...изобразив сумасшедшего.

Мёбиус. Чтобы за мной шпионить?

Ньютон. Нет, чтобы выяснить, что же кроется за вашим безумием. Мой безупречный немецкий стоил мне чудовищных усилий. Меня обучали в лагере наших спецслужб.

Мёбиус. И когда бедная сестра Доротея о чём-то догадалась, вы её...

Ньютон. Да. Не перестаю сожалеть о случившемся.

Мёбиус. Понимаю.

Ньютон. Но приказ есть приказ.

Мёбиус. Разумеется.

Ньютон. Я не мог поступить иначе.

Мёбиус. Конечно, не могли.

Ньютон. Создалась угроза моей миссии – секретнейшей акции нашей разведки. И чтобы избежать малейшего подозрения, мне пришлось её убить. Медсестра Доротея перестала считать меня сумасшедшим, главный врач находила, что я лишь немного не в себе, так что мне пришлось убить, дабы окончательно доказать своё безумие. Послушайте, этот цыплёнок в самом деле необычайно вкусен!

Из комнаты номер 2 слышится игра на скрипке.

Мёбиус. Эйнштейн опять играет на скрипке.

Ньютон. Гавот Баха.

Мёбиус. Его ужин остынет.

Ньютон. Пусть себе спокойно играет, этот псих. Не надо ему мешать.

Мёбиус. Это угроза?

Ньютон. Я чрезвычайно чту вас. И мне будет очень жаль, если придётся прибегнуть к силовым мерам.

Мёбиус. Вам поручено меня отсюда вывезти?

Ньютон. В случае, если подозрения наших спецслужб подтвердятся.

Мёбиус. Какие именно?

Ньютон. Вас случайно сочли самым гениальным физиком современности.

Мёбиус. Я тяжёлый психический больной, Килтон, и ничего больше.

Ньютон. Наши разведчики придерживаются другой точки зрения.

Мёбиус. А что вы сами обо мне думаете?

Ньютон. Просто полагаю, что вы величайший физик всех времён.

Мёбиус. А как ваши спецслужбы напали на мой след?

Ньютон. Благодаря мне. Я случайно прочёл вашу монографию об основах новой физики. Сначала я счёл её розыгрышем. Но потом у меня словно пелена упала с глаз. Передо мной лежало самое гениальное творение современной физики. Я стал наводить справки об авторе, но не мог продвинуться ни на шаг. Тогда я поставил в известность наши спецслужбы, а они уже напали на ваш след.

Эйнштейн. Не только вы один прочли эту монографию, Килтон. (*Он незаметно появился из комнаты номер 2 со своей скрипкой и смычком в руках.*) Дело в том, что я тоже не сумасшедший. Разрешите представиться? Я тоже физик. И тоже состою на службе в разведке. Но несколько иной. Меня зовут Иосиф Эйслер.

Мёбиус. Автор эффекта Эйслера?

Эйнштейн. Он самый.

Ньютон. Пропавший без вести в тысяча девятьсот пятидесятом году.

Эйнштейн. По собственной воле.

Ньютон (*внезапно выхватывает из кармана револьвер*). Будьте любезны, Эйслер, встаньте-ка лицом к стене!

Эйнштейн. Пожалуйста. (*Не спеша направляется к камину, кладёт на него скрипку, вдруг резко поворачивается, держа в руке револьвер.*) Мой дорогой Килтон, поскольку мы оба, как я полагаю, хорошо владеем оружием, не лучше ли нам обойтись без дуэли, вы не находите? Я готов отложить в сторону свой браунинг, если и вы положите свой кольт...

Ньютон. Согласен.

Эйнштейн. Положим их за каминную решётку, туда, где вы держите коньяк. На случай, если вдруг нагрянут санитары.

Ньютон. Хорошо.

Оба кладут своё оружие за каминную решётку.

Эйнштейн. Вы смешали мне все карты, Килтон. Я считал вас по-настоящему помешанным.

Ньютон. Утешьтесь: я вас тоже.

Эйнштейн. Вообще многое пошло вкривь и вкось. К примеру, то, что произошло с медсестрой Иреной сегодня днём. Она что-то заподозрила и тем самым подписала свой смертный приговор. Я чрезвычайно огорчён всем происшедшим.

Мёбиус. Понимаю.

Эйнштейн. Но приказ есть приказ.

Мёбиус. Разумеется.

Эйнштейн. Я не мог поступить иначе.

Мёбиус. Конечно, не могли.

Эйнштейн. Создалась угроза и моей миссии, секретнейшей акции моей разведки. Давайте присядем?

Ньютон. Что ж, присядем. (*Садится к столу слева, Эйнштейн справа.*)

Мёбиус. Полагаю, что и вы, Эйслер, собираетесь меня принудить...

Эйнштейн. Что вы, Мёбиус!

Мёбиус. Ну, уговорить отправиться в вашу страну.

Эйнштейн. В конце концов, мы тоже считаем вас величайшим физиком мира. Но в данную минуту меня чрезвычайно интересует ужин. Воистину прощальная трапеза. (*Наливает себе суп.*) У вас по-прежнему нет аппетита, Мёбиус?

Мёбиус. Наоборот. Только что появился. Внезапно. Как только выяснилось, что вы оба всё знаете. (*Садится между ними за стол и тоже наливает себе суп.*)

Ньютон. Бургундского, Мёбиус?

Мёбиус. Наливайте.

Ньютон (*наливает ему вина*). А я, пожалуй, примусь за кордон блю.

Мёбиус. Чувствуйте себя как дома.

Ньютон. Приятного аппетита.

Эйнштейн. Приятного аппетита.

Мёбиус. Приятного аппетита.

Они едят. Справа появляются трое санитаров, у старшего санитар в руке блокнот.

Старший санитар. Пациент Бойтлер!

Ньютон. Здесь.

Старший санитар. Пациент Эрнести!

Эйнштейн. Здесь.

Старший санитар. Пациент Мёбиус!

Мёбиус. Здесь.

Старший санитар. Старший санитар Сиверс, санитар Мурильо, санитар Мак-Артур. (*Прячет блокнот в карман.*) По указанию начальства необходимо принять некоторые меры

безопасности. Мурильо, опустите решётки. (*Мурильо опускает оконные решётки. Комната сразу становится немного похожей на тюрьму.*) Мак-Артур, запири их. (*Мак-Артур запирает решётки.*) Есть ли у вас, господа, какие-либо пожелания на ночь?

Пациент Бойтлер?

Ньютон. Нет.

Старший санитар. Пациент Эрнести?

Эйнштейн. Нет.

Старший санитар. Пациент Мёбиус?

Мёбиус. Нет.

Старший санитар. Господа, разрешите нам удалиться. Спокойной ночи.

Трое санитаров уходят. Молчание.

Эйнштейн. Скоты!

Ньютон. В парке притаилось ещё несколько таких парней. Я уже давно заметил их из окна своей комнаты.

Эйнштейн (*встаёт и осматривает решётку*). Крепкая. С особым замком.

Ньютон (*идёт к своей двери, открывает её и заглядывает внутрь*). На моём окне тоже откуда ни возьмись решётка. Как по волшебству. (*Открывает две другие двери в глубине сцены.*) И у Эйслера. И у Мёбиуса. (*Подходит к двери справа.*) Заперта.

Эйнштейн. Мы все в ловушке.

Ньютон. Логично. После того, что мы сделали со своими сиделками...

Эйнштейн. Теперь мы сумеем выбраться из сумасшедшего дома, только если будем действовать сообща.

Мёбиус. Но я вовсе не собираюсь отсюда бежать.

Эйнштейн. Мёбиус...

Мёбиус. Не вижу для этого ни малейшей причины. Наоборот. Я доволен своей судьбой.

Молчание.

Ньютон. Зато я ею недоволен, а это имеет немаловажное значение, вы не находите? При всём уважении к вашим личным чувствам. Вы – гений и как таковой принадлежите не только самому себе. Вы проникли в новые области физики. Но ведь вы не взяли всю науку в личную аренду. И просто обязаны открыть туда двери и нам, негениям. Едемте со мной! Через год мы напялим на вас фрак, препроводим в Стокгольм, и вы получите Нобелевскую премию.

Мёбиус. Ваши спецслужбы удивительно бескорыстны.

Ньютон. Признаюсь, Мёбиус, на них наибольшее впечатление произвело чьё-то предположение, что вы решили проблему гравитации.

Мёбиус. Это верно.

Молчание.

Эйнштейн. И выговорите это так спокойно?

Мёбиус. А как, по-вашему, я должен это сказать?

Эйнштейн. Моя разведка предполагает, что вы создали единую теорию элементарных частиц...

Мёбиус. И вашу разведку могу успокоить. Я действительно создал единую теорию поля.

Ньютон (*вытирает салфеткой пот со лба*). То есть вывели формулу Вселенной!

Эйнштейн. Смех, да и только. Орды хорошо оплачиваемых физиков в огромных государственных лабораториях годами пытаются сдвинуть физику с мёртвой точки, а вы добились этого так, между прочим, сидя за письменным столом в сумасшедшем доме. (*Тоже вытирает салфеткой пот со лба.*)

Ньютон. А система всех возможных открытий, Мёбиус?

Мёбиус. Она тоже существует. Я составил её из любопытства, как практическое дополнение к моим теоретическим выкладкам. К чему изображать невинного? Все наши идеи приводят к определённым последствиям. Так что я просто обязан был изучить воздействие теории поля и учения о гравитации на практику. Результат получился ужасающий. Высвободились бы новые, невиданные доселе виды энергии, и возникли бы технологии, превосходящие любую фантазию, если бы мои открытия попали в руки людей.

Эйнштейн. Этого вам вряд ли удастся избежать.

Ньютон. Вопрос лишь в том, кому они раньше достанутся.

Мёбиус (*смеётся*). Вы, Килтон, наверное хотели бы осчастливить этим свою разведку и Генеральный штаб, который за ней стоит?

Ньютон. Почему бы и нет? Чтобы вернуть величайшего физика всех времён в сообщество учёных, я готов сотрудничать с любым Генеральным штабом.

Эйнштейн. А я готов сотрудничать только со своим. Мы предоставляем человечеству могущественные орудия власти. Это даёт нам право ставить свои условия. И мы должны сами решать, в чьих интересах применять на практике нашу науку. Так что я решил.

Ньютон. Чепуха всё это, Эйслер. Речь идёт о свободе нашей науки, и больше ни о чём. Мы должны быть первопроходцами, вот и вся наша задача. Сумеет ли человечество пойти по тому пути, который мы ему прокладываем, это дело не наше с вами, а человечества.

Эйнштейн. Вы жалкий эстет, Килтон. Почему не приходите к нам, если вам важна лишь свобода науки? Мы тоже уже давно не можем позволить себе опекать физиков. Нам тоже нужны результаты. Наша политическая система тоже вынуждена есть из рук учёных.

Ньютон. Обе наши политические системы, Эйслер, вынуждены ныне есть из рук Мёбиуса.

Эйнштейн. Наоборот. Ему придётся подчиниться нам. Мы оба в конце концов загнали его в угол.

Ньютон. В самом деле? Скорее, мы с вами загнали друг друга в угол. Наши спецслужбы, к сожалению, пришли к одной и той же мысли. Если Мёбиус пойдёт с вами, я не смогу этому помешать, потому что вы не допустите, чтобы вам мешали. Но если Мёбиус примет решение в мою пользу, вы тоже ничего не сможете изменить. Так что выбирает здесь он, а не мы.

Эйнштейн (*встаёт с торжественным видом*). Придётся достать револьверы.

Ньютон (*тоже встаёт*). Что ж, драться так драться.

Достаёт из-за каминной решётки оба револьвера и передаёт один из них Эйнштейну.

Эйнштейн. Мне очень жаль, что дело принимает кровавый оборот. Но мы вынуждены стрелять – и друг в друга, и в стражей. В крайнем случае и в Мёбиуса. Хоть он и самый ценный человек на земле, но рукописи его ещё ценнее.

Мёбиус. Мои рукописи? Да я их сжёл.

Гробовая тишина.

Эйнштейн. Вы их сожгли?

Мёбиус (*смущённо*). Только что. До того, как полиция вернулась. Чтобы обезопасить себя.

Эйнштейн (*разражается сардоническим смехом*). Он их сжёл!

Ньютон (*кричит вне себя от ярости*). Вы сожгли результаты пятнадцати лет труда!

Эйнштейн. От этого и впрямь можно сойти с ума.

Ньютон. Официально мы и есть сумасшедшие.

Оба прячут свои револьверы и в полном отчаянии опускаются на диван.

Эйнштейн. Теперь, Мёбиус, мы целиком и полностью в вашей власти.

Ньютон. И ради этого я задушил сиделку и выучил немецкий язык!

Эйнштейн. А я учился играть на скрипке! Истинное мученье для человека, начисто лишённого слуха.

Мёбиус. Может, нам всё-таки доесть ужин?

Ньютон. Аппетита как не бывало.

Эйнштейн. Жалко оставлять кордон блю.

Мёбиус (*встаёт*). Мы трое – физики. И решение, которое мы должны принять, – это решение физиков. Давайте подойдём к нему научно. Мы не имеем права руководствоваться субъективными мнениями, мы должны подчиняться только логике. Давайте попытаемся найти разумный выход. Мы не имеем права на ошибку в рассуждениях, потому что ошибочный вывод может привести к мировой катастрофе. Отправная точка ясна. У всех нас одна общая цель, но тактика у каждого своя. Эта цель – развитие физики. Вы, Килтон, хотите сохранить науке свободу и отрицаете её ответственность. Вы же, Эйслер, перекладываете на физику ответственность за политику силы, проводимую определённым государством. А как обстоит дело в действительности? Если вы хотите, чтобы я принял решение, то я требую ясного ответа на этот вопрос.

Ньютон. Вас ждёт целая группа виднейших физиков. Оплата вашего труда и условия жизни – идеальные, правда, место там гибельное, но воздух в помещениях кондиционирован.

Мёбиус. Эти физики совершенно свободны?

Ньютон. Ах, дорогой Мёбиус! Эти физики заявили, что готовы решать те научные проблемы, которые имеют решающее значение для обороноспособности страны. Отсюда вы можете сделать вывод...

Мёбиус. Значит, не свободны. (*Поворачивается к Эйнштейну.*) Йозеф Эйслер. Вы выступаете с позиции силы. Для этого надо обладать властью. Она у вас есть?

Эйнштейн. Вы меня не совсем поняли, Мёбиус. Моя позиция силы как раз в том и состоит, что я отказался от личной власти в пользу какой-то одной организации.

Мёбиус. Можете ли вы направлять эту организацию в духе вашего понимания своей ответственности или же существует опасность, что эта организация сама будет управлять вами?

Эйнштейн. Мёбиус! Это же просто смешно. Разумеется, я могу лишь надеяться, что эта организация прислушается к моим советам, не более того. Однако без такой надежды вообще не может быть никаких политических убеждений.

Мёбиус. Но ваши физики по крайней мере свободны?

Эйнштейн. Поскольку они также работают на оборону...

Мёбиус. Поразительно! Каждый из вас превозносит свою теорию, однако предлагает мне практически одно и то же: тюрьму. Тогда уж лучше остаться в этой психушке. Тут я по крайней мере уверен, что меня не используют в своих целях политические проходимцы.

Эйнштейн. На известный риск приходится, конечно, идти.

Мёбиус. Существует такой риск, на который человек не имеет права идти: риск гибели всего человечества. Что творится в мире тем оружием, которое уже создано, мы знаем и можем себе представить, что люди натворят тем оружием, которое создадут благодаря мне. Этой мысли я подчинил все свои действия. Я был беден. У меня была жена и трое детей. Университет сулил мне славу, промышленность – деньги. Оба пути были слишком опасны. Мне пришлось бы опубликовать свои работы, следствием был бы переворот в нашей науке и крах всей экономической структуры. Чувство ответственности вынудило меня избрать иной путь. Я отказался от академической карьеры, послал ко всем чертям промышленность и бросил семью на произвол судьбы. Я надел на себя шутовской колпак. Достаточно было заявить, что мне является царь Соломон, как меня заперли в психушку.

Ньютон. Но это же не выход!

Мёбиус. Разум толкнул меня на этот шаг. Наша наука подошла к границе познаваемого. Мы знаем несколько точно формулируемых законов, несколько основных соотношений между непостижимыми явлениями, и это всё. Остаётся необозримое поле явлений, недоступных нашему разуму. Мы подошли к концу нашего пути. Но человечество в целом от нас отстало. Мы вырвались вперёд настолько, что за нами никто не следует и вокруг нас пустота. Наша наука стала внушать страх, наши исследования стали опасными, а открытия смертоносными. Так что нам, физикам, остаётся только капитулировать перед действительностью. Она нам не по плечу. Из-за нас она погибнет. Мы должны отречься от наших знаний, вот я и отрёкся. Другого выхода нет, и для вас тоже.

Эйнштейн. Что вы хотите этим сказать?

Мёбиус. У вас есть секретные радиопередатчики?

Эйнштейн. Ну и что?

Мёбиус. Сообщите вашему начальству, что вы ошиблись и что у меня действительно крыша поехала.

Эйнштейн. Тогда мы застрянем здесь на всю жизнь.

Мёбиус. Само собой.

Эйнштейн. О провалившихся разведчиках никто не вспомнит.

Мёбиус. Вот именно.

Ньютон. Что вы хотите этим сказать?

Мёбиус. Что вы должны остаться здесь вместе со мной.

Ньютон. Мы?

Мёбиус. Вы оба.

Молчание.

Ньютон. Мёбиус! Не можете же вы требовать, чтобы мы навсегда...

Мёбиус. Но для меня это – единственный шанс сохранить мои открытия в тайне. Только в сумасшедшем доме мы ещё остаёмся свободными. Только в сумасшедшем доме мы ещё можем спокойно думать. На свободе наши мысли приобретают взрывную силу.

Ньютон. Но мы, в конце концов, не сумасшедшие.

Мёбиус. Да, но мы – убийцы.

Оба озадаченно смотрят на Мёбиуса.

Ньютон. Я протестую!

Эйнштейн. Этого вам не стоило говорить, Мёбиус!

Мёбиус. Тот, кто убивает, – убийца, а мы убивали. У каждого из нас была своя задача, которая и привела его в это заведение. Каждый из нас убил свою сиделку ради определённой цели. Вы – ради того, чтобы не подвергать риску свою секретную миссию, а я – из-за того, что сестра Моника поверила в меня. Она считала меня непризнанным гением. Она не понимала, что ныне долг гения – оставаться непризнанным. Убийство – это нечто ужасное. Я убил, чтобы не допустить ещё более ужасных убийств. Но вот появились вы. Вас я не могу устранить, но может, мне удастся вас убедить? Неужели мы убивали зря? И что это было: мы приносили жертвы или совершали преступления? Либо мы останемся в сумасшедшем доме, либо мир станет сумасшедшим домом. Либо мы исчезнем из памяти человечества, либо человечество исчезнет с лица земли.

Молчание.

Ньютон. Мёбиус!

Мёбиус. Что, Килтон?

Ньютон. Но эта психушка. Эти громилы санитары. Эта горбунья врачаха!

Мёбиус. Ну и что?

Эйнштейн. Нас посадят в клетку, как диких зверей!

Мёбиус. А мы и есть дикие звери. Нас нельзя выпускать к людям.

Молчание.

Ньютон. Неужели и впрямь нет другого выхода?

Мёбиус. Нет.

Молчание.

Эйнштейн. Иоганн Вильгельм Мёбиус! Я порядочный человек. Я остаюсь.

Молчание.

Ньютон. Я тоже остаюсь. Навсегда.

Молчание.

Мёбиус. Благодарю вас. За тот небольшой шанс спастись, который благодаря вам ещё остаётся у мира. *(Поднимает свой бокал.)* За наших сиделок!

Все торжественно встают.

Ньютон. Я пью за Доротею Мозер.

Двое других. За сестру Доротею.

Ньютон. Доротея! Я вынужден был принести тебя в жертву. И смертью отплатил тебе за твою любовь. И теперь хочу доказать, что достоин тебя.

Эйнштейн. Я пью за Ирену Штрауб.

Двое других. За сестру Ирену!

Эйнштейн. Ирена! Я вынужден был принести тебя в жертву. Пусть твоя любовь освятит союз, который мы, трое физиков, заключили в память о тебе. Дай нам силу верно хранить тайны нашей науки, прикрывшись шутовским колпаком. *(Пьют, потом ставят бокалы на стол.)*

Ньютон. Давайте опять превратимся в психов. Примем образ Ньютона.

Эйнштейн. Станем играть на скрипке Бетховена и Крайслера.

Мёбиус. Пусть снова является царь Соломон.

Ньютон. Будем сумасшедшими, но мудрыми.

Эйнштейн. Узниками, но свободными.

Мёбиус. Физиками, но не преступниками.

Все трое кивают друг другу и расходятся по своим комнатам. Гостиная пуста. Справа входят Мак-Артур и Мурильо. Оба в чёрных мундирах и фуражках, у обоих в кобуре пистолет. Они убирают посуду со стола. Мак-Артур вывозит сервировочный столик с посудой в дверь справа, Мурильо ставит перед окном справа круглый стол и кладёт на него стулья кверху ножками, как делают при уборке ресторана. Потом Мурильо тоже уходит в правую дверь. Гостиная вновь пуста. Затем справа появляется фройляйн доктор Матильда фон Цанд. Как всегда, на ней врачебный халат со стетоскопом в кармане. Она оглядывается. Наконец входит Сиверс, тоже в чёрном мундире.

Старший санитар. Слушаю вас, босс.

Доктор. Сиверс, портрет.

Мак-Артур и Мурильо вносят в гостиную большую картину в тяжёлой позолоченной раме, это портрет генерала. Сиверс снимает старый портрет и вешает на его место новый.

Генерал Леонид фон Цанд здесь гораздо уместнее, чем в женском корпусе. У старого вояки всё ещё бравый вид, несмотря на базедову болезнь. Он любил героические смерти, и сейчас нечто подобное произошло в этом доме. *(Рассматривает портрет своего отца.)*

Зато тайный советник переедет в женский корпус, к миллионершам. Поставьте его пока в коридоре.

Мак-Артур и Мурильо выносят портрет в правую дверь.

Прибыл ли генеральный директор Фребен со своими орлами?

Старший санитар. Они ожидают в зелёной гостиной. Прикажете подать икру и шампанское?

Доктор. Эти важные господа приехали сюда не пировать, а работать. (*Садится на диван. Мак-Артур и Мурильо возвращаются через дверь справа.*) Сиверс, пригласите сюда всех троих.

Старший санитар. Слушаюсь, босс. (*Подходит к двери комнаты номер 1 и открывает её.*) Мёбиус, на выход!

Мак-Артур и Мурильо открывают двери номер 2 и 3.

Мурильо. Ньютон, на выход!

Мак-Артур. Эйнштейн, на выход!

Ньютон, Эйнштейн и Мёбиус выходят из своих комнат. У всех троих просветлённые лица.

Ньютон. Какая таинственная ночь. Бесконечная и возвышенная. Сквозь решётку на моём окне мерцают Юпитер и Сатурн, открывая мне законы Вселенной.

Эйнштейн. Какая благодатная ночь. Она дарит нам покой и мир. Загадки бытия исчезли, вопросы застыли на устах. Хочу играть на скрипке до конца своих дней.

Мёбиус. Ночь, полная благоговения. Глубокая синева и благочестие. Ночь могущественного царя. Его бледная тень отделяется от стены. Глаза его излучают свет.

Молчание.

Доктор. Мёбиус. По распоряжению прокурора я могу разговаривать с вами только в присутствии одного из санитаров.

Мёбиус. Понимаю, фройляйн доктор.

Доктор. Но то, что я собираюсь вам сообщить, относится и к вашим коллегам, Килтону и Эйслеру. (*Оба изумлённо на неё смотрят.*)

Ньютон. Вы... всё знаете? (*Оба пытаются выхватить револьверы, но Мурильо и Мак-Артур их обезоруживают.*)

Доктор. Ваш разговор, господа, прослушивался. Я уже давно заподозрила всех вас. Мак-Артур и Мурильо! Принесите радиопередатчики Килтона и Эйслера.

Старший санитар. Все трое – руки на затылок!

Мёбиус, Эйнштейн и Ньютон кладут руки на затылок, Мак-Артур и Мурильо входят в комнаты номер 2 и 3.

Ньютон. Забавно! (*Смеётся. Его смех звучит одиноко и зловеще.*)

Эйнштейн. Не понимаю...

Ньютон. Смешно! (*Опять смеётся. Потом умолкает.*)

Мак-Артур и Мурильо возвращаются с радиопередатчиками.

Старший санитар. Руки опустить!

Физики подчиняются. Молчание.

Доктор. Прожектора, Сиверс.

Старший санитар. О'кей, босс. (*Поднимает руку.*)

Прожектора, установленные в парке, освещают физиков ослепительным светом.
Одновременно Сиверс выключает свет в гостиной.

Доктор. Вилла оцеплена. Всякая попытка к бегству бессмысленна. (*Санитарам.*) Убирайтесь, вы, трое. (*Трое санитаров покидают гостиную, унося с собой оружие и радиопередатчики. Молчание.*) Только вы одни узнаете мою тайну. Потому что это уже не имеет значения – знаете вы её или нет.

Молчание.

(*Торжественно.*) Мне тоже является царь Соломон в золотых одеждах.

Трое физиков озадаченно смотрят на неё.

Мёбиус. Царь Соломон?

Доктор. Да, все эти годы.

Ньютон тихонько прыскает в кулак.

(*Твёрдо.*) Впервые он явился мне в моём кабинете. Тёплым летним вечером. Солнце ещё светило, из парка доносился стук дятла, как вдруг прилетел царь в золотых одеждах. Словно архангел.

Эйнштейн. Она сошла с ума!

Доктор. Его взгляд покоился на мне. Его уста отверзлись. Он заговорил со мной, своей служительницей. Царь Соломон восстал из мёртвых, он захотел вернуться к власти, некогда принадлежавшей ему в этом мире, и явил свою мудрость, дабы Мёбиус его именем правил на всей земле.

Эйнштейн. Её необходимо изолировать. Её место в дурдоме.

Доктор. Но Мёбиус его предал. Он попытался умолчать о том, о чём молчать было нельзя. Ибо то, что ему открылось, – не тайна. Потому что это постижимо. А всё, что постижимо, человек сможет постичь. Теперь или в будущем. То, что открыл царь Соломон, могут когда-нибудь открыть и другие. Но царь Соломон хотел, чтобы это деяние осталось за ним, оно давало ему возможность властвовать над миром. Поэтому он и посетил меня, свою недостойную слугу.

Эйнштейн (*настойчиво*). Вы помешались. Послушайте, вы помешались!

Доктор. Царь Соломон повелел мне сместить Мёбиуса и вместо него править миром. Я повиновалась. Я была врачом, а Мёбиус моим пациентом. Я могла делать с ним всё, что хотела. Я давала ему снотворное много лет кряду и снимала фотокопии с откровений царя Соломона, пока в моих руках не оказалось всё до последней странички. Н. Вы спятили! Окончательно и бесповоротно! Поймите же наконец! (*Тихо.*) Мы все спятили.

Доктор. Я действовала осторожно. Поначалу я завладела лишь несколькими открытиями, чтобы накопить необходимый капитал. Потом я основала гигантские предприятия, приобретала одну фабрику за другой и объединила это всё в могущественный трест. Теперь я смогу наконец использовать систему всех возможных открытий, господа.

Мёбиус (*настойчиво*). Фройляйн доктор Матильда фон Цанд, вы больны. Никакого царя Соломона нет и в помине. Он никогда мне не являлся.

Доктор. Вы лжёте.

Мёбиус. Я его выдумал, чтобы сохранить свои открытия в тайне.

Доктор. Вы отрекаетесь от него!

Мёбиус. Ну образумьтесь же. Поймите, что вы помешанная.

Доктор. Не больше вас.

Мёбиус. Значит, мне придётся сообщить всему миру правду. Все эти годы вы обкрадывали меня. Без стыда и совести. И ещё заставляли мою бедную жену платить вам.

Доктор. Вы бессильны, Мёбиус. Даже если бы ваш голос и услышали, вам бы никто не поверил. Ибо в глазах общественности вы опасный сумасшедший. Вы же убийца.

Все трое начинают понимать, в какое положение они попали.

Мёбиус. Моника?

Эйнштейн. Ирена?

Ньютон. Доротея?

Доктор. Я лишь не упустила представившуюся возможность. Надо было обезопасить открытия Соломона и покарать вас за предательство. Я была вынуждена вас обезвредить и для этого подтолкнула вас к убийству. Я натравила на вас трёх сиделок. Вашу реакцию я знала наперёд. Вы были управляемы, как автоматы, и убивали, как палачи. *(Мёбиус хочет на неё броситься. Эйнштейн его удерживает.)* Мёбиус, бросаться на меня так же бессмысленно, как бессмысленно было сжигать рукописи, которые уже в моих руках. *(Мёбиус отворачивается.)* Теперь вас отгораживают от мира не стены сумасшедшего дома. Эта вилла – сокровищница моего треста. В ней заключены трое физиков. Кроме них – и меня – никто в мире не обладает истинным знанием. И те, кто вас охраняет, вовсе не служители сумасшедшего дома: Сиверс – начальник моей заводской охраны. Вы укрылись в собственной тюрьме. Царь Соломон внушил вам свои мысли и действовал вашими руками, теперь же он уничтожит вас – моими руками.

Молчание. Фройлайн доктор говорит всё это тихо и кротко.

Я же принимаю на себя его власть. И не боюсь. В моей клинике полно моих сумасшедших родственников, увешанных драгоценностями и орденами. Я – последний нормальный отпрыск нашего рода. Это конец. Я бесплодна. Мне осталась лишь любовь к ближнему. Но царь Соломон сжалился надо мной. Он, обладающий тысячью жён, избрал меня. И я буду могущественнее всех моих предков. Мой трест будет владеть миром, он захватит все страны и континенты, всю Солнечную систему и долетит до туманности Андромеды. Задача решена – не в пользу человечества, а в пользу горбатой старой девы. *(Звонит в колокольчик.)*

Справа входит Сиверс.

Сиверс. Что прикажете, босс?

Доктор. Идёмте, Сиверс. Совет директоров ждёт. Всемирный трест приступает к работе, производство начинается. *(Вместе с Сиверсом выходит в дверь справа.)*

Трое физиков остаются одни. Тишина. Игра проиграна. Все молчат.

Ньютон. Это конец. *(Садится на диван.)*

Эйнштейн. Мир попал в руки сумасшедшей докторши из сумасшедшего дома. *(Садится рядом с Ньютоном.)*

Мёбиус. Всё, до чего человек додумался, нельзя у него отнять. *(Садится в кресло слева от дивана.)*

Молчание. Все трое смотрят в одну точку перед собой. Потом начинают говорить и говорят совершенно спокойно и непринуждённо, словно просто представляются публике.

Ньютон. Я – Ньютон. Сэр Исаак Ньютон. Родился четвёртого января тысяча шестьсот сорок третьего года в Вулсторпе возле Грендхема. Я – президент королевского общества. Но из-за этого вовсе не надо вставать. Я написал «Математические начала натуральной философии». Мне принадлежат слова: я не придумываю гипотез. В

экспериментальной оптике, теоретической механике и высшей математике у меня были значительные достижения, но вопрос о сущности всемирного тяготения я вынужден был оставить открытым. Были у меня и богословские труды: комментарии к пророку Даниилу и к Апокалипсису Иоанна. Я – Ньютон. Сэр Исаак Ньютон. Президент королевского общества. *(Встаёт и уходит к себе в комнату.)*

Эйнштейн. Я – Эйнштейн. Профессор Альберт Эйнштейн. Родился четырнадцатого марта тысяча восемьсот семьдесят девятого года в Ульме. В тысяча девятьсот втором году я работал экспертом патентного бюро в Берне. Там я создал свою теорию относительности, с которой началась новая физика. После этого меня избрали членом Прусской академии наук. Потом я стал эмигрантом. Потому что я еврей. Я открыл формулу $E = mc^2$, то есть ключ к превращению массы в энергию. Я люблю людей и мою скрипку, но при моём содействии люди изготовили атомную бомбу. Я – Эйнштейн. Профессор Альберт Эйнштейн. Родился четырнадцатого марта тысяча восемьсот семьдесят девятого года в Ульме. *(Встаёт и уходит в свою комнату. Вскоре слышатся звуки скрипки. Это Крейслер. «Муки любви».)*

Мёбиус. Я – Соломон. Я – бедный царь Соломон. Некогда я был сказочно богат, мудр и богобоязнен. Моя власть сотрясала могущественные троны. Я был царём мира и справедливости. Но моя мудрость уничтожила мою богобоязненность, и, когда я перестал бояться Бога, моя мудрость уничтожила моё богатство. Ныне мертвы города, в которых я правил, и пусто царство, вверенное мне. Кругом лишь синеватое мерцание пустыни, и где-то там далеко вокруг маленькой жёлтой безымянной звезды кружится и кружится без цели и смысла радиоактивная Земля. Я – Соломон, я – Соломон, я – бедный царь Соломон. *(Уходит в свою комнату.)*

Гостиная пуста. Слышится только скрипка Эйнштейна.

Комментарии

Пьеса написана в 1961 г., впервые поставлена в цюрихском Шауспильхаусе в феврале 1962 г. Режиссёр – Курт Хорвиц, художник – Тео Отто. В ролях: доктор фон Цанд – Тереза Гизе, Мёбиус – Ганс Кристиан Блех, Ньютон – Густав Кнут, Эйнштейн – Тео Линген, инспектор Фосс – Фред Таннер.

В этом же году премьеры пьесы прошли в Сантьяго, Мехико, Лиме. В последующие годы пьеса занимала одно из первых мест по количеству постановок в немецкоязычных странах и в других странах мира, включая Америку. В лондонском Королевском Шекспировском театре «Физиков» в 1963 г. Поставил режиссёр Питер Брук. Первым из российских театров пьесу в 1962 г. Поставил Ленинградский театр комедии (режиссёр – Н. Лифшиц). В Москве комедия Дюрренматта неоднократно ставилась на подмостках театра Советской Армии.

На русском языке впервые опубликована в 1969 г. (издательство «Искусство», перевод Н. Оттена).

Очевидно, сомневаясь в том, что критика и публика сумеют дать адекватную трактовку проблем, затронутых в «Физиках», Дюрренматт первое время снабжал публикацию текста комедии своими «Тезисами к пьесе “Физики”»:

1. Я отталкиваюсь не от тезиса, а от сюжета.
2. Когда исходишь от сюжета, следует додумать его до конца.
3. Сюжет тогда додуман до конца, когда взят наихудший из оборотов.
4. О наихудшем обороте нельзя узнать заранее; он возникает неожиданно.
5. Искусство драматурга в том и состоит, чтобы как можно действеннее использовать в сюжете эту неожиданность.
6. Носителями драматического действия выступают люди.
7. Неожиданность действия проявляется в том, кто, где, когда и кого случайно встретил.
8. Чем логичнее поступки людей, тем сильнее они зависят от случайности.
9. Люди, действующие в соответствии с логикой, хотят достичь определённой цели. Случайность менее всего благоприятна для них тогда, когда приводит к цели, противоположной той, которую они перед собой поставили, то есть к тому, чего они боялись или пытались избежать (например, Эдип).
10. Такого рода фабула гротескна, но не абсурдна (то есть не бессмысленна).
11. Она парадоксальна.
12. Драматурги, как и логики, не могут избежать парадоксального.
13. Физики, как и логики, не могут избежать парадоксального.
14. Драма о физиках не может не быть парадоксальной.
15. Цель драмы – не содержание физики, а её результаты.
16. Содержание физики касается физиков, её результаты – всех людей.
17. То, что касается всех, могут решать только все.
18. Любая попытка одиночки решить для себя то, что касается всех, неизбежно кончается провалом.
19. В парадоксальном проявляется действительность.
20. Кто имеет дело парадоксом, сталкивается с жизнью.
21. Драматург может перехитрить зрителя, окунув его в проблемы действительности, но он не может заставить зрителя выстоять перед действительностью, а тем более преодолеть её.

Тезисы, призванные помочь интерпретаторам комедии, представляют собой лапидарное изложение драматургических принципов Дюрренматта и приложимы ко всему творчеству писателя. Однако то, что он присовокупил их именно к «Физикам» отнюдь не случайно. «Физики» - одна из наиболее удачных, классически строгих и ясных в своих очертаниях пьес Дюрренматта, с чётко прописанной фабулой, ограниченным числом действующих лиц, большинство которых ещё обладает индивидуальными приметами, стремительным нарастанием драматического напряжения и неожиданным – в духе хорошо выстроенного детектива – финалом. В комедии даже соблюдены три классических единства – времени (менее суток), места (сумасшедший дом) и действия (цельность захватывающей интриги). Пьеса создавалась в годы, когда в условиях усиливающейся гонки вооружений и накопления средств массового уничтожения участились дискуссии о нравственной ответственности учёных-физиков за возможные последствия их ошеломляющих открытий. Дюрренматт выдвигает парадоксальный тезис о том, что человечество просто не в состоянии употребить без вреда для себя научные открытия, сделанные опередившими своё время гениями. В мире, который у Дюрренматта ассоциируется с сумасшедшим домом, нравственные терзания осознавшего губительность для человечества своих «озарений» учёного лишены смысла. Безумные устремления к господству над миром и логика выживания несовместимы. В одиночку с надвигающейся катастрофой не справиться. Значит, человечеству не остаётся ничего другого, как преодолеть идеологические, политические, этнические и прочие разногласия и объединиться в борьбе за выживание. Такой вывод напрашивается из «Тезисов», но он не вытекает из пьесы, в

которой преобладают мотивы безысходности. Таким образом, «Тезисы» как бы выполняли функцию брехтовского «приёма отчуждения», помогая домысливать в нужном направлении то, что в пьесе доведено до «наихудшего конца».

Скрытая полемика с Брехтом ощущается и в это пьесе, появившееся через два года после неудачи с «Франком Пятым». В драме «Жизнь Галилея», написанной в конце 30-х годов в эмиграции, когда до Брехта дошла весть о расщеплении немецкими физиками атома, главным действующим лицом выступает великий учёный. В первом варианте Брехт оправдывает своего героя за отречение от научной истины (главное – выжить, наукой можно заняться потом, втайне от властей), но в последующих решительно его осуждает. Писателя до конца жизни не покидала надежда, что с помощью искусства можно предостеречь человечество от необдуманных шагов и Аким образом содействовать «изменению мира». У Дюрренматта такой надежды нет, он считает себя не терапевтом, а диагностом. Он знает, что писателям не дано спасти мир, они могут только запечатлеть его агонию.

Разные политические и эстетические взгляды, разные подходы, но проблема одна и «сверхзадача» тоже одна – предостеречь, научить заглядывать в будущее и не повторять ошибок прошлого. Брехт подвергал критике вполне определённое общественное устройство, Дюрренматт же выискивал изъяны в устройстве всего мироздания, не претендуя при этом на истину в последней инстанции. «Я никогда не повторял его (Брехта) ошибок, - писал Дюрренматт, - я ошибаюсь по-другому».